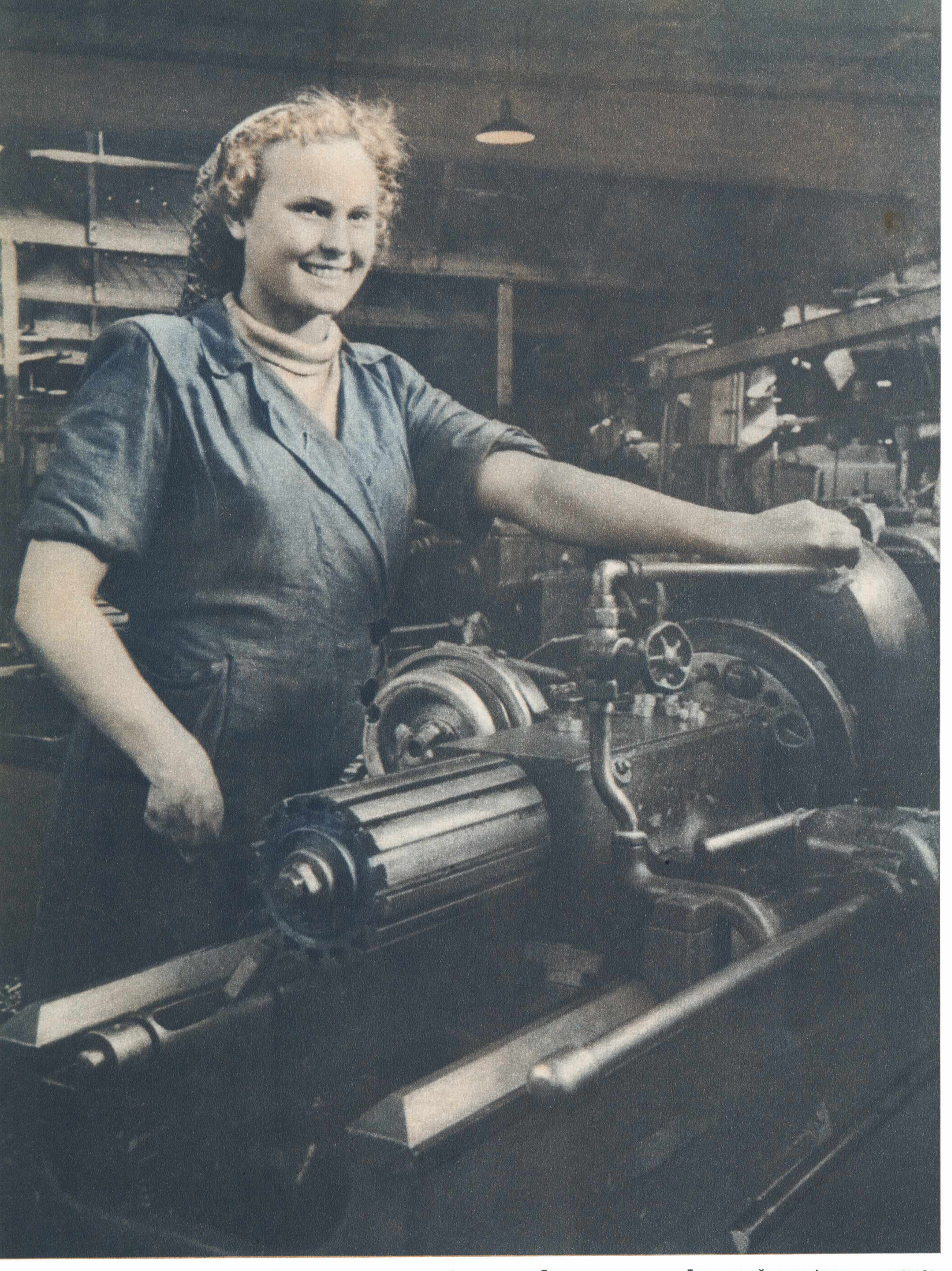

ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

После средней школы Ольга Долгова твердо решила пойти на завод. Ее охотно приняли на Горьковский завод фрезерных станков. Сейчас Ольга Долгова под руководством опытных мастеров работает на револьверном станке. На все горьковские заводы пришло новое пополнение из числа выпускников школ-десятилеток.

Фото Н. Капелюша.

На первой странице обложки: Ночная Москва. Памятник Юрию Долгорукому.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 38 (1423) 19 СЕНТЯБРЯ 1954

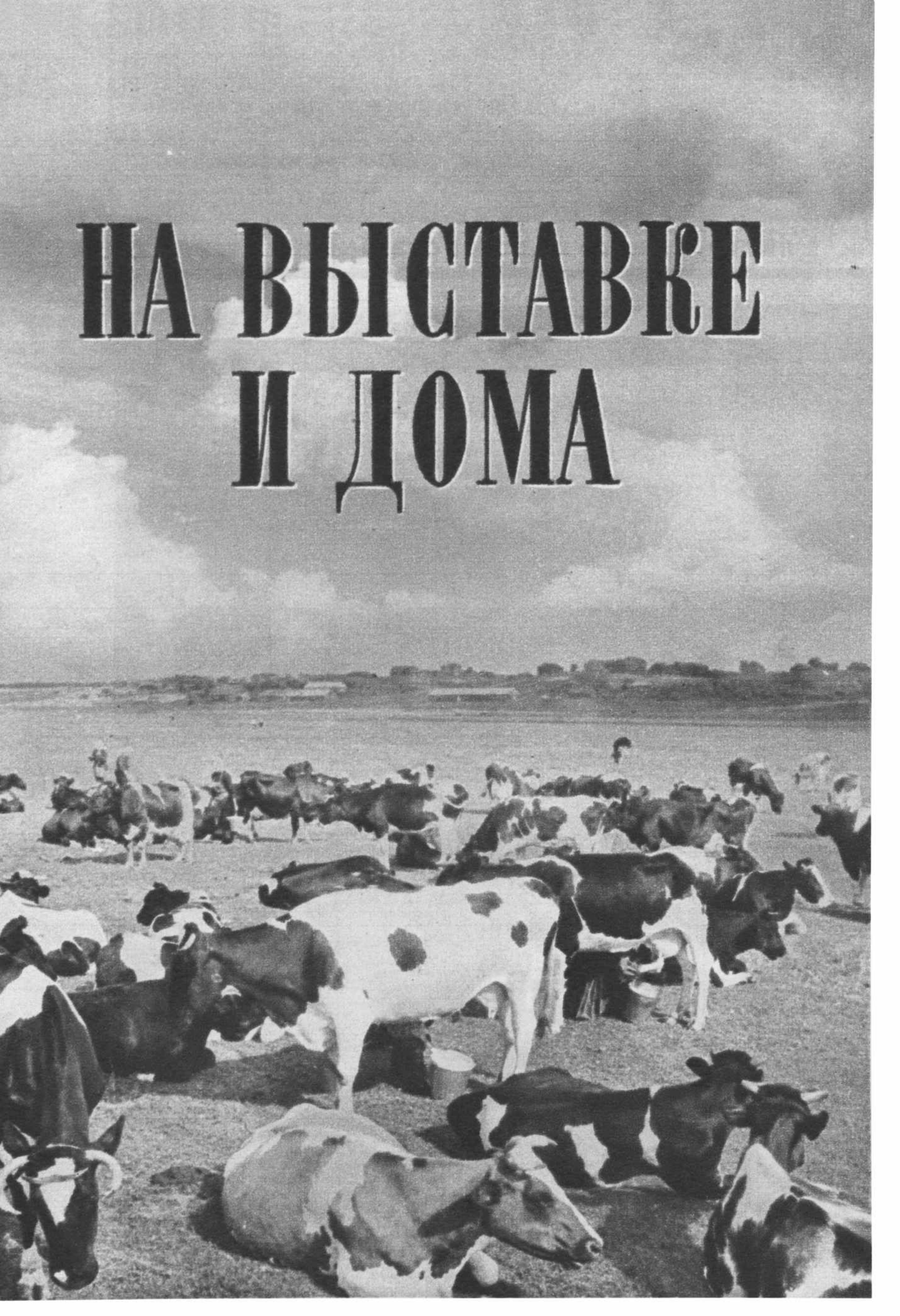
32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Животноводы колхоза «Новая жизнь», Холмогорского района, Архангельской области, знакомятся с павильонами Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Много они увидели здесь интересного, многому поучились у своих товарищей из других областей и республик. Лучший опыт холмогорцы применят у себя в колхозе.

На этом снимке вы видите доярку Зою Вашукову, учетчицу Августу Рудакову, доярок Людмилу Тряпицину, Зину Меньшикову и Устину Рудакову во время очередной экскурсии по выставке. О том, как живут и работают холмого́рские животноводы, рассказывает фотоочерк «На выставке и дома» в этом номере журнала.

НА ВЫСТАВКЕ И ДОМА

Ник. ДРАЧИНСКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

Кто побывал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, наверняка посетил ферму колхоза «Новая жизнь», Холмогорского района, Архангельской области. Архангельские животноводы показывают на выставке не отдельные экземпляры крупного рогатого скота, а целую ферму, разместившуюся в большом четырехрядном коровнике. Столь широкий показ достижений на всесоюзном смотре — большая честь. И колхозники «Новой жизни» заслужили ее по праву.

В Москве холмогорцы не только демонстрируют свои успехи: здесь, как и у себя дома, они борются за выполнение социалистических обязательств, за высокие удои. Колхоз как бы разделился: одна его часть временно переехала в Москву и тут продолжает обычную работу. Учетчица Августа Рудакова регулярно отправляет в правление артели сведения о выработанных трудоднях и дополнительной оплате; на доске показателей ежедневно отмечаются успехи доярок. А молоко сдается по плану в счет обязательных поставок и государственных закупок.

Тысячи людей ежедневно осматривают колхозную ферму на выставке. Животноводы, председатели колхозов знакомятся с ценным опытом архангельских товарищей. В объемистой книге отзывов, уже исписанной до последней страницы, — записи на всех языках нашей страны, на многих языках мира.

Холмогорские коровы действительно отличные. Высокой похвалы достойны вырастившие их люди. Мы познакомились с этими простыми и скромными тружениками и в Москве, на выставке, и у них дома, на берегах Северной Двины. Там сейчас луга зеленые-зеленые, будто в мае, и только золото берез да крепчающее дыхание Ледовитого океана напоминают об осени.

Вот колхозный луг, где отдыхает часть племенного стада — черно-пестрые коровы холмогорской породы.

В сельхозартели «Новая жизнь» на каждые сто гектаров пашни, лугов и пастбищ приходится 32 головы крупного рогатого скота, в том числе 17 коров. На каждую сотню гектаров земельных угодий колхоз получает около 80 тысяч килограммов молока. Год от году растут удои. Холмогорская порода, выведенная 300 лет назад, значительно улучшена. Здесь немало коров, которые дают по 6—7 и даже 9 тысяч килограммов молока в год. В этом большая заслуга зоотехника П. Е. Фоминой, опытного специалиста, человека, горячо влюбленного в свое дело.

Мы встретили Фомину в Москве на выставке. Пелагея Ефремовна рассказывала животноводам Крупского района Белоруссии о молочно-товарной ферме своего колхоза. Внимательно слушали ее рассказ белорусские товарищи. Для них это не экскурсия, а школа передового опыта.

Наслышанные об успехах колхоза, многие люди пишут зоотехнику письма; вопросы, советы, пожелания приходят с Украины и острова Сахалина, из Сибири и Германской Демократической Республики. Письма получают дома, в колхозе, и сын Пелагеи Ефремовны Леня пересылает их матери на выставку.

Мы были в доме Пелагеи Ефремовны в селе Ичкове.

— Ну, а про наш колхоз чего-нибудь в газете написано? — спрашивает у внука Александра Федоровна.

И Леня читает бабушке заметку о встрече на выставке подмосковных и холмогорских животноводов.

— Еще тут сказано,— говорит он, — что зоотехник Фомина, то есть мама, выступала в лектории с докладом об опыте своей работы.

Холмогорцы не только передают опыт, но и сами многому научились в Москве. Председатель артели Андрей Петрович Вашуков, возвратившись из Москвы, выступил перед микрофоном колхозного радиоузла и рассказал односельчанам о том, что следует позаимствовать у других колхозов.

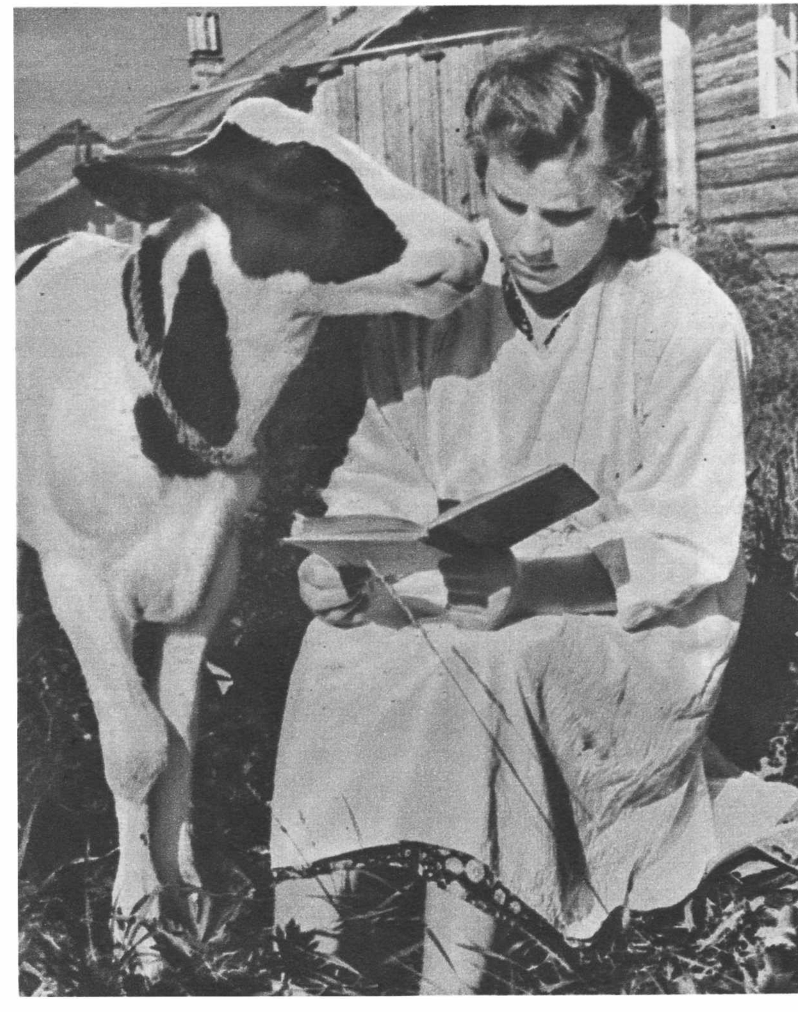

Ферма артели «Новая жизнь» поставляет молодняк для других хозяйств. За последние годы отсюда отправлено в 28 областей Советского Союза более 2 тысяч телят. Трогательно прощается со своими питомцами телятница Аня Копалина. «Смотри, Буран, веди себя хорошо!» — напутствует она в дальнюю дорогу бычка с «трудным характером».

Многие в колхозе занимаются на трехлетних зоотехнических курсах. Среди них и комсомолка Рита Рудакова. Ее часто можно увидеть с книжками из «Библиотеки животновода». Вот и сейчас она присела у фермы с учебником. Но заниматься ей вряд ли удастся. Телушка Груша по причине молодого возраста не отправлена с остальными телятами на луг, а оставлена под присмотром. Ей скучно, и она всячески пытается обратить на себя внимание хозяйки.

...Возвратимся в Москву. Здесь тоже появились телята. Валя Богданова показывает Кате Матвеевой из Ярославской области и Лиде Шабровой из Костромы телушку Горожанку. В племенном свидетельстве Горожанки будет указано место рождения: Москва, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

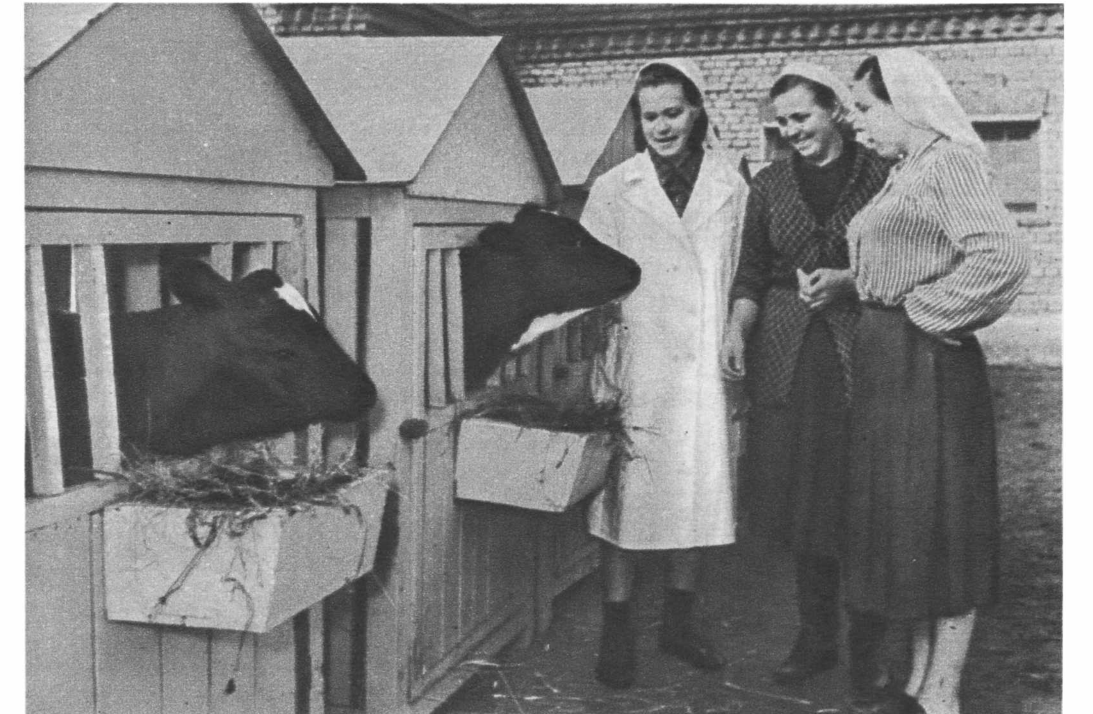

Животноводы «Новой жизни» поставили перед собой задачу — получить от каждой коровы в среднем 6 тысяч килограммов молока. Нужно улучшить рационы, поэтому заготовке кормов уделяется большое внимание. В колхозе отличные луга. Но короткое северное лето не позволяет сделать более одного укоса сена. И все же колхозникам удалось продлить лето для коров.

Несколько лет тому назад с базы «Сортсемовощ» получили семена капусты. Посеяли. Капуста уродилась какая-то чудная. Выросла по пояс, а в вилки не завязывалась. Ударили морозы, пошел снег, а она стояла зеленая, как ни в чем не бывало. Позже выяснилось, что база напутала и вместо семян столовой капусты дала семена кормовой. С тех пор колхоз на больших площадях выращивает кормовую капусту. Эта культура отлично переносит на корню морозы до десяти градусов. На дворе зима, а коровы получают свежую, зеленую, как говорят специалисты, молокогонную, летнюю пищу, и удои не сокращаются.

Участком кормовой капусты занимаются колхозный агроном Зоя Матерухина и звеньевая Шура Меньшикова. Звено Меньшиковой при плане в 250 центнеров с гектара обязалось вырастить пятьсот.

В этом году холмогорцы впервые посадили кукурузу. Выросла кукуруза неплохая, более 2 метров высотой. И это ведь не под Москвой, а в Архангельской области, вблизи арктических льдов!

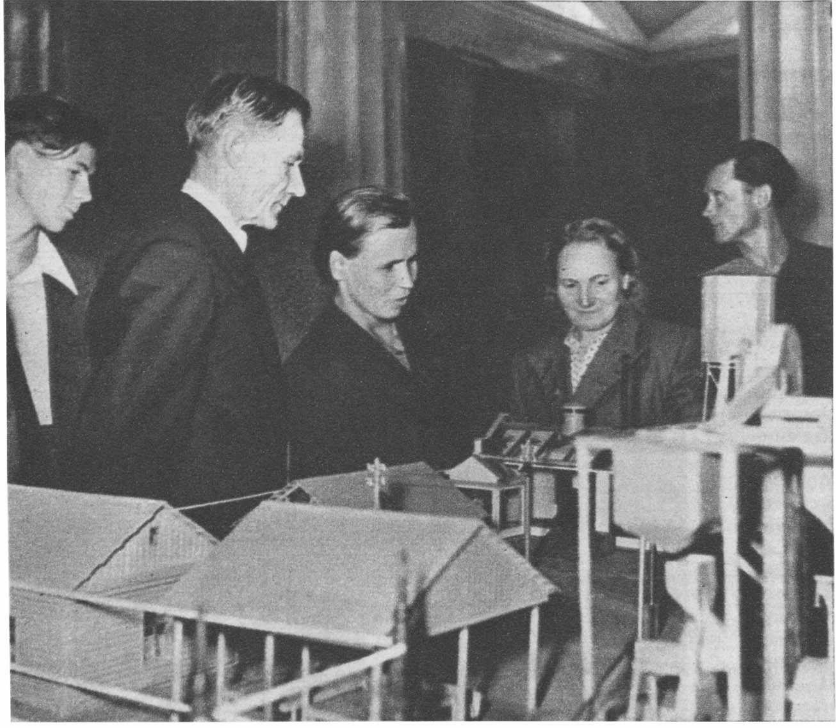

По вечерам холмогорские доярки часто собираются в чайной у Павильона механизации. Северные жители любят за чайком поговорить о делах, поделиться новостями из дому.

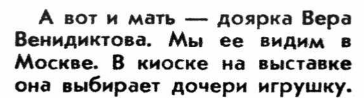

В колхозе два детских сада. Галя Венидиктова получила из Москвы от мамы гостинцы и угощает ими друзей. «Скоро мама приедет и еще привезет», — говорит Галя.

А вот и мать — доярка Вера Венидиктова. Мы ее видим в Москве. В киоске на выставке она выбирает дочери игрушку.

— Не желаете ли коровку из целлулоида? — предлагает продавец.

— Нет, — говорит Вера. — Коровок у нас живых много. Я, пожалуй, возьму крокодила.

Скоро холмогорские животноводы вернутся из Москвы домой. А шефы-строители уедут к себе на завод. Именно об этом говорят телятница Валя Абакумова и каменщик Саша Александрович. «Вот, — говорит Саша, — мы уже заканчиваем работу, осталось зацементировать полы на кормокухне, и можно уезжать». А ему здесь понравилось: хороший колхоз, хорошие люди.

Однако этот разговор, кажется, надолго...

Замечательные мастера — холмогорские животноводы, успешно трудятся они над тем, чтобы, как в старинной сказке, потекли по стране молочные реки.

Другая группа холмогорцев в это время осматривает Павильон Белорусской республики. Заведующего фермой Н. М. Андреева, доярку, депутата Верховного Совета СССР Е. Я. Вашукову и доярку З. А. Абакумову заинтересовал макет механизированного скотного двора: ведь у них в колхозе сооружается еще один коровник, и здесь можно коечто позаимствовать. Новый коровник строится с помощью шефов — рабочих Архангельского лесозавода. Здесь будет механизированная кормокухня.

Стройка в колхозе идет большая. Уже закончено сооружение нового телятника. Накануне пуска электростанция, мощность которой в три раза больше старой. Скоро начнут строить новый клуб.

Вечно живое искусство

Галина **УЛАНОВА**

Фото **М. САВИНА.**

Национальный гимн Индии. Исполняют все участники концерта.

На сцене Большого театра — светильники, увитые живыми цветами; серо-голубые, темно-оранжевые, густокрасные сукна кулис и задника; огромные древки знамен с золотыми наконечниками — государственные флаги СССР и Республики Индии...

Сегодня здесь выступают артисты Индии — наши долгожданные гости, дорогие друзья. Необыкновенно искусство этой далекой страны, огромна впечатляющая сила ее танцевального и музыкального фольклора, созданного народом на протяжении многих веков. Любуясь этими танцами, слушая эти мелодии, нельзя было не думать об огромной силе народа, о вечно живом его искусстве.

Эластичность мышц, гибкость тела, все части которого гармонично и равномерно развиты,— вот та «почва», на которой вырастает своеобразная красота движений, их свобода и естественность. Эта естественность проявляется во всем: в босых ногах, ступающих с совершенно особой, неповторимой грацией, в складках костюмов, очень сложных и красочных, в песне, аккомпанирующей танцу...

Когда Тара Чоудри своим «Аларипху» — танцем классического стиля «Бхарат Натьям», рожденным две тысячи лет назад на юго-востоке Индии,— раскрывает смысл и настроение песни, исполняемой Сурьенарайном, то, даже не зная языка условных поз и жестов танцовщицы, мы оказываемся под ее обаянием. И самое замечательное: Чоудри достигает этой скульптурности, предельной пластичности без всякого видимого труда — она свободна и легка в танце. Но спросите актрису, как ей дается такая легкость в преодолении сложных танцевальных задач, и она объяснит вам: для этого надо начинать учиться в шесть лет, заниматься не менее двенадцати лет и потом все время, всегда работать!..

Трудно перечислить все особенности и передать все очарование такого танца Тары Чоудри, как «Тиллана» — заключительный танец классического стиля «Бхарат Натьям»,— и другого, в классическом стиле «Катхак», похожего на вихрь пламени.

«Кришна и Радха» — хореографическую поэму о чистой и прекрасной любви бога Кришны и красавицы Радхи — исполняют в классическом стиле «Манипури» Сурьямукхи и Томбино Деви. Представьте себе двух прелестных миниатюрных девушек в необыкновенных головных уборах и костюмах, краски и линии которых сказочно-фантастичны. Струящийся блеск прозрачной парчи, пурпур, золото, переливчатая изумрудная зелень шелка, перья, покрывало на остроконечной шапочке Радхи — поначалу может показаться, что во всем этом танцевать невозможно. Но как легок, выразителен, разнообразен по рисунку этот танец, как хорошо показана в нем народная игра, сколько здесь целомудрия, радости жизни! Вот Радха отталкивает Кришну, и он, обиженный, горько плачет; вот она нежно его утешает, и светлеет его чело; вот, играя, она брызгает на него подкрашенной водой, и нам кажется, что мы видим эти разноцветные капли... И снова мы думаем о том, что перед нами не миф, а простые люди, их непритязательная жизнь, полная огорчений и радостей, разочарований и любви.

То же ощущение реальности сопутствует зрителю во время исполнения «Народного танца с барабанами». Значение этого танца почти ритуально — он исполняется как заклинание, мольба о дожде (барабаны, подражая раскатам грома, призваны заставить дождь наконец пролиться!),— но воспринимается он как картинка из жизни. В самом деле, что может быть страшнее засухи для нищего землепашца? Чего только не подскажет ему, видящему, как гибнут посевы, его смятенное воображение! И вот мы уже видим этих людей, почти нагих, на поле, верящих в то, что их танец, их барабаны еще могут умилостивить «вседержителя вод небесных...»

Бабу Сингх и Надиа Сингх, исполняющие этот танец, настолько увлечены все нарастающим, все убыстряющимся ритмом, что кажется, будто во всем мире нет для них ничего, кроме этих движений. В руках у танцовщиков барабаны необычной, вытянутой формы, на ногах

«Кхаял бахар» — классическая мелодия. Исполняют Винайяк Рао Патвардхан (в центре), Гиан Гхош и Шакур Хан.

Классический танец «Махабали». Исполняет Гопинатх.

«Алариппу» — вводный танец классического стиля «Бхарат Натьям». Внизу — танец «Тиллана». Исполняет Тара Чоудри.

запястья с бубенчиками, а за спиной развеваются алые ленты... И то, что исполнители сами себе аккомпанируют на барабанах, выбивая мелодию, не только не мешает, но помогает донести до зрительного зала их искусство.

Когда Бабу Сингх и Читрасен Сингх вместе с исполнительницами «Кришна и Радха» показали затем праздничный танец племени Нага, зрителей захватили необычайная экспрессия и динамика, поразили небывалые головные уборы — перья павлина, серебряные рога, пышные цветы и белые палочки, укрепленные, как веера, на иссиня-черных волосах девушек. Но главное — ощущение стихии народного танца в его чистом и первозданном виде. Можно легко себе представить, как изумительны эти древнейшие манипурские танцы, когда они исполняются на родине, на фоне высоких гор, посреди зеленых полян!

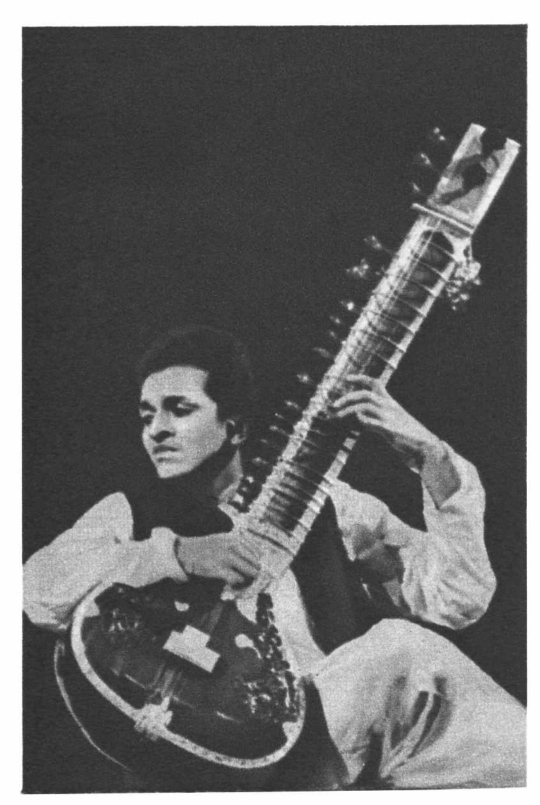
Об искусстве одного из самых известных артистов Индии, балетмейстера, танцовщика и непревзойденного мима Гопинатха, можно было бы написать целую книгу. Его мимика, потрясающий в своей скупости и красоте жест, отработанность каждого движения ладоней, пальцев, кистей рук, предплечья и плеч, его умение мгновенно переключаться на новую сценическую задачу — прекрасны. Танцы-пантомимы классического стиля «Катакхали», которые Гопинатх показал в начале концерта, вряд ли когда-нибудь забудутся.

«Наварасас» — девять эмоциональных тем индийской музыки и индийского танца: «Любовь», «Доблесть», «Сострадание», «Насмешка», «Изумление», «Страх», «Отвращение», «Гнев» и «Умиротворение» — были выражены артистом, который почти не менял позы и не сходил с места. Поджав под себя босые ноги со звенящими запястьями, сидя на маленькой бархатной скамеечке, он как будто бы и не двигался вовсе. Но сколько внутренней страсти, сколько жизни было в этой «неподвижности»! И мы были готовы смотреть на его искусство без конца...

Танец «Махабали» — это повествование о кичливом царе и грозном божестве, наказавшем самонадеянного пигмея. И снова перед нами предстала поучительная, здоровая и бесхитростная мораль народа — творца сказки: насмешливое, сатирическое отношение к заносчивости и самодовольству.

Песни и музыка Индии также доставили зрителям высокое наслаждение. Аса Сингх Мастана поразил нас своим голосом необычайно красивого тембра, самой манерой исполнения, мелодией песен, будто вырывающихся из самых сокровенных глубин сердца и повествующих то о горестной судьбе разлученных влюбленных, то о радостном празднике урожая. В этих мелодиях душа народа.

Винайяк Рао Патвардхан точно спорит своим голосом с табла и саранги — народными инструментами, на которых замечательно аккомпанируют певцу Гиан Гхош и Шакур Хан. Певицы Мира Четтерджи и Суриндер Каур исполняли «Песню радости», слова и музыку которой написал великий индийский писатель, поэт и философ Рабиндранат Тагор.

Пьеса в классическом стиле. Исполняет на народном инструменте Рави Шанкар.

Но, конечно, лучшим музыкантом в концерте оказался композитор и непревзойденный исполнитель на ситаре Рави Шанкар. Он исполнял свою пьесу в классическом стиле, и диковинный инструмент, отдаленно напоминающий большую домбру (только с двумя резонаторами), с нежностью и выразительностью человеческого голоса передал какую-то чудесную, поэтическую сказку.

В Индии этот выдающийся мастер играет перед аудиторией часами, радуя слушателей бесконечным богатством бесчисленных вариаций главной мелодии. И нам оставалось только пожалеть, что принятые у нас форма и длительность концерта не дали нам в полной мере насладиться искусством Рави Шанкара. Да и с каждым из индийских артистов было жаль расставаться, ибо чем больше узнаешь их искусство, тем больше хочется его видеть, слышать, ощущать.

Народный танец с барабанами. Исполняют Бабу Сингх и Надиа Сингх.

Праздничный танец племени Нага.

Народные танцы Индии

Майя ПЛИСЕЦКАЯ

В начале нынешнего года группа советских артистов посетила Индию, выступив с концертами во многих городах этой великой страны. Прошло несколько месяцев, и ныне большая группа индийских артистов с ответным визитом дружбы прибыла в Советский Союз. Индийские артисты уже выступили в Москве, в Ленинграде, побывают в Киеве и других городах СССР.

Советские зрители проявили живейший интерес к замечательному искусству индийского народа. Концерты проходили при переполненных зрительных залах. Сотни тысяч москвичей смотрели концерты по телевизионной сети. Нельзя было не восхищаться нежной, лиричной и страстной музыкой, изумительной пластикой и мимической выразительностью темпераментных танцев, красотой песенных мелодий.

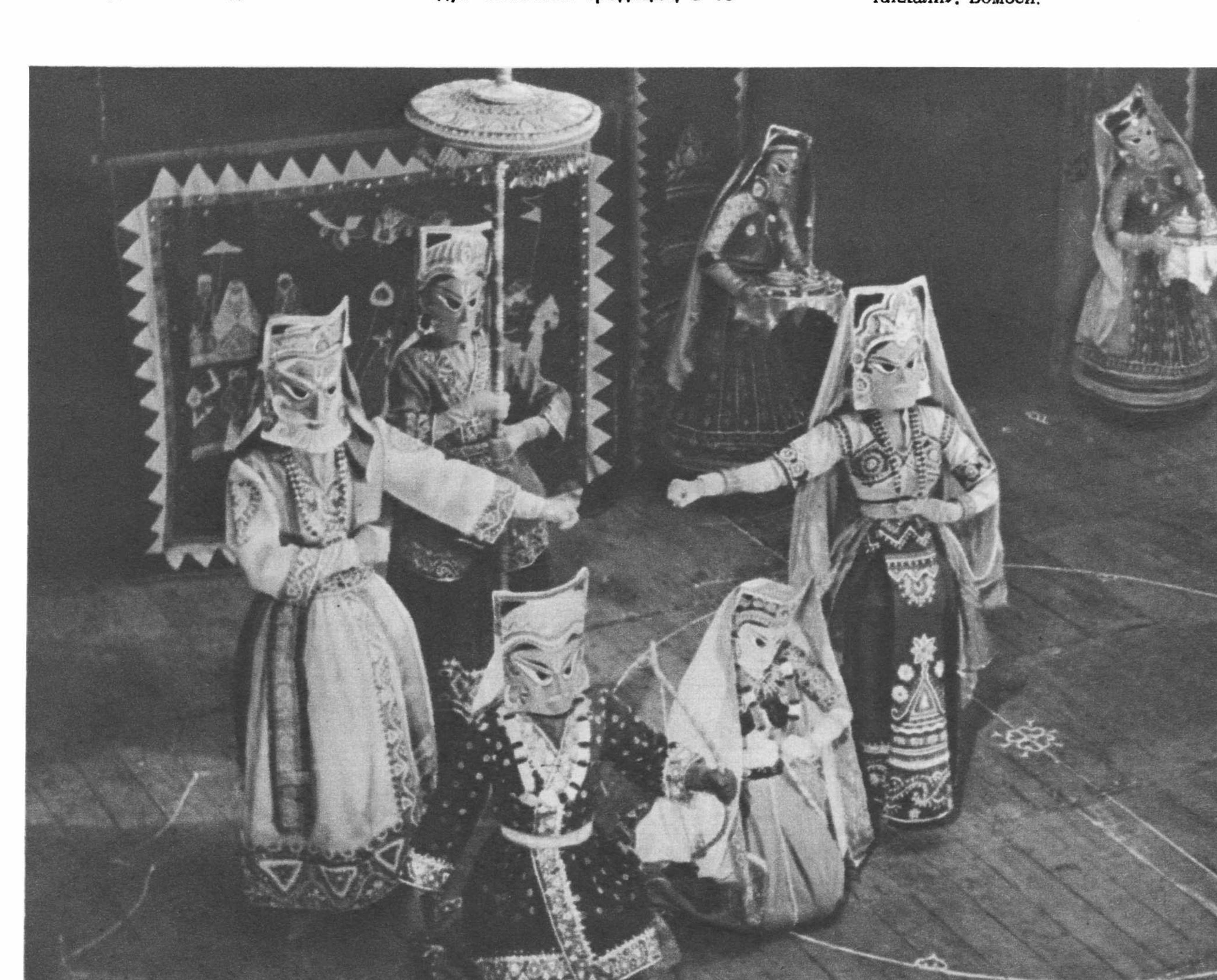
Индийский народ вправе гордиться своим искусством, так пышно расцветающим ныне в Республике Индии. А ведь в сравнительно недалеком прошлом, когда эта страна была угнетенной колонией, индийцам пытались внушать, что их древняя и богатая культура есть нечто «низкое», «недостойное». Были времена, когда колониальные военные власти использовали изумительную скальную скульптуру в качестве мишеней при обучении полицейских стрельбе. Характерный факт: в тридцатых годах некая мисс Тэннант, прибыв из Англии в Индию, посвятила себя... борьбе с индийским танцевальным искусством, якобы «развращающим нравы».

Вспоминая об этом времени, индийский критик Сашивоттама Рамасвами писал: «То был период, когда пришельцы уверяли нас, что мы должны стыдиться самих себя... Было принято на веру, что все связанное с нашей культурой должно быть несовершенным. Любая критика, направленная против нашей национальной культуры, считалась безусловно правильной. Нас принуждали принять позы людей, позорно опускающих головы, и активно содействовать нашему самоуничтожению. К счастью, эти дни миновали...»

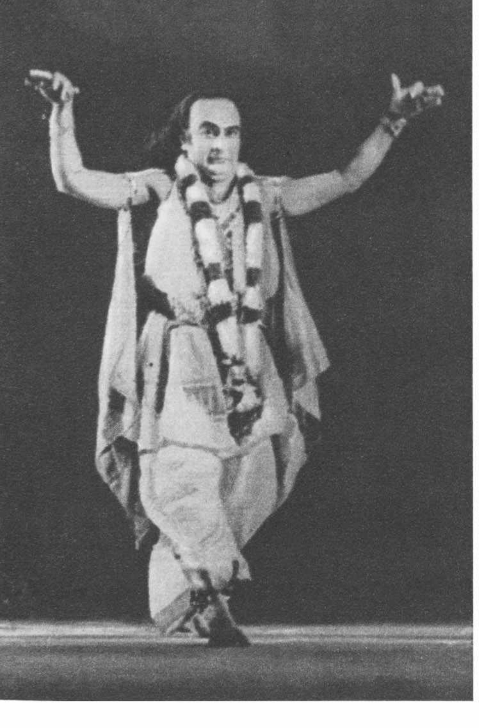
С образованием Республики Индии культура великого народа стала быстро возрождаться. Индийские артисты, продолжающие традиции национального искусства, пользуются ныне в стране большой любовью и популярностью. К их числу относится и наш гость — прославленный танцор Гопинатх. В роду, из которого он происходит, от поколения к поколению в течение трехсот лет передавалось искусство танца «Катакхали». Юный Гопинатх, следуя семейной традиции, в течение двенадцати лет практиковался в исполнении этого танца, достигнув высокой степени совершенства. Артист упорно добивался чистоты танца «Катакхали», освобождая его от наносных грубых форм.

Обновленное Гопинатхом искусство «Катакхали» было наконец широко признано. Рабиндранат Тагор писал о Гопинатхе: «Это — настоящий артист. В Индии и за границей не многих можно поставить рядом с ним. В его мастерстве я увидел отблески великого прошлого, когда танец был одним из самых драгоценных искусств в Индии, а не подобен современным западным (джазовым) танцам, являющимся лишь способом возбуждения вялого аппетита бездельников-богачей».

Когда Индия стала республикой, Гопинатх, получив поддержку пра-

Танец в классическом стиле «Катакхали». Бомбей.

Народные танцы-пантомимы классического стиля: «Слон», «Любовь», «Умиротворение», «Доблесть». Исполняет Гопинатх.

вительства, открыл в Мадрасе школу танца «Катакхали», которая служит делу возрождения национального искусства.

«Катакхали» — один из древнейших стилей индийского классического танца. Его называют «танцевальной драмой». Это,— в сущности, синтетическое сочетание музыки, танца, поэзии, живописи, драмы. Темы балетов берутся из древних индийских легенд, в особенности из эпической поэмы «Рамаяна». Система «Катакхали» обладает тщательно выработанным языком мимики, жестов. И чтобы овладеть этой системой, танцовщик должен пройти многолетний курс обучения.

Балет на импровизированной сцене обычно начинается в Индии ночью, идет под открытым небом при свете бронзовых ламп. Такие же лампы были установлены и на концертах индийских артистов в Москве.

Нам, советским артистам, особенно приятно вспомнить, что и в прошлом представители русского балета, побывавшие в Индии, высоко ценили индийское танцевальное искусство. Очарованная самобытной прелестью индийских танцев, Анна Павлова попыталась даже сочетать танец «Катакхали» с красотой и грацией русского балета. Свои оригинальные индийские танцы Анна Павлова исполняла совместно со знаменитым танцором Уде Шанкаром, братом ныне гостящего в СССР в составе группы индийских артистов видного музыканта Индии Рави Шанкара.

Опыт знаменитой русской балерины вызвал большой интерес в Индии. Некоторые индийские танцовщицы также пошли по пути сочетания техники и формы индийского классического танца с новым содержанием и эмоциональной выразительностью, характерной для русской хореографии. Танцевальное искусство этих балерин, использовавших технику классического танца в духе начинаний Анны Павловой, имело в Индии большой успех.

Самый древний в Индии — классический балет «Бхарат Натьям». По преданию, впервые он был исполнен на небесах богами Шивой и Парвати. Боги обучили затем, согласно той же легенде, искусству танца мудреца Бхарату, который и явился основоположником танцевального искусства на земле. По всей Индии можно встретить изумительные скульптурные изваяния, изображающие бога Шиву и богиню Парвати в различных позах из «Бхарат Натьям». Многие храмы Индии украшены этими прекрасными статуями.

Танцы классического стиля «Бхарат Натьям» исполняла на московских концертах выдающаяся индийская танцовщица Тара Чоудри. Еще в Индии я подружилась с этой замечательной артисткой, любезно уделившей мне много часов, в течение которых она обучила меня одному из танцев «Бхарат Натьям». В свою очередь, я ознакомила индийскую танцовщицу с особенностями русской хореографии. Наша творческая дружба продолжалась и в Москве, где Тара Чоудри снова репетировала со мной один из танцев «Бхарат Натьям».

Танцевальный фольклор Индии необычайно богат. Каждый штат, провинция, даже селение имеет собственные традиционные народные танцы. Они всегда сюжетны, и их содержание подсказывается окружающей природой, особенностями климата, повседневными занятиями жителей. Посев, жатва, гребля, рыбная ловля, постройка дома, труд ремесленников, базарные сцены — все это отражено в народных танцах, часто сочетающихся с песнями.

Будучи в Бомбее в начале нынешнего года, я познакомилась с несколькими местными народными танцами. Очень интересен «Танец Дня кокосового ореха», который называют также «Танцем муссона». Один из танцующих изображает морского бога. Его танец, необычайно экспрессивный и темпераментный, выражает бушевание моря и проливной дождь. Москвичи, видевшие танцевальные пантомимы Гопинатха, его хореографический этюд «Вода», без труда представят себе и индийского танцора, изображающего дождь и море. Вокруг пляшущего морского бога появляются остальные танцоры, которые, танцуя, одновременно поют: «О море, будь спокойно! Позволь нам поднять на борт наши шесты для неводов». Морской бог, умиротворенный просьбами «детей моря», постепенно меняет ритм своего танца, его движения становятся все более плавными, и наконец «море» успокаивается.

Затем нам был показан рыбацкий танец «Мальхари». В нем изображаются рыбаки, возвращающиеся на парусных лодках после удачного лова. Неожиданно застигнутые штилем, мешающим им приблизиться к берегу, они взывают к богу Мальхари, который, услышав их просьбы, появляется в образе Ветра. Изображая его, танцор стремительно проносится по сцене. Рыбаки достигают берега, Ветер замирает, и люди весело танцуют вокруг него.

В Бомбее мы видели также «Праздничный танец»: мужчины с лопатами на плечах пляшут вокруг праздничного огня «хуташани». К ним присоединяются женщины. Появляется свадебная процессия, вызывая среди танцующих переполох. Женщины кружатся вокруг новобрачной пары и машут яркими платками под возгласы: «Кой!»

С большим интересом мы смотрели в Бомбее народный «Танец жатвы». Он начинается с мелодичной песни, выражающей надежду на богатую жатву. Затем девочки-подростки в красивых нарядах танцуют, придерживая на плечах до блеска начищенные медные кувшины, ослепительно пылающие в лучах солнца; женщины в ярких костюмах изображают в танце, как они пасут скот. Приходят мужчины с серпами и косами. К ним бросаются девушки, женщины, и все вместе исполняют «Танец жатвы».

Очень характерно, что ныне все чаще встречаются народные танцы с современными сюжетами, выражающими устремления прогрессивных слоев Индии. Так, в Мадрасе очень популярна танцевальная пантомима, посвященная борьбе за мир.

Танец в классическом стиле «Катхак». Исполняет Тара Чоудри.

ЗАВОД В САДАХ

Фото Ю. Кривоносова.

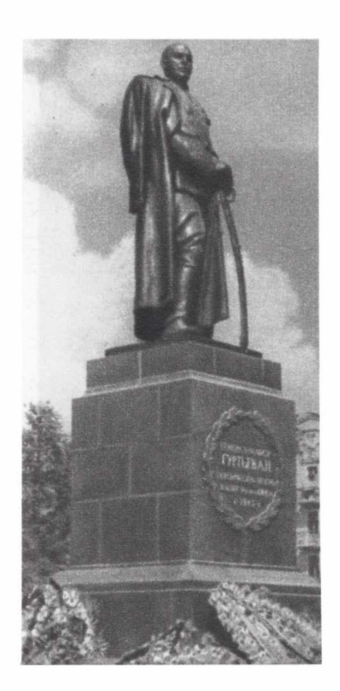
В донецкой степи стоит Ново-Краматорский машиностроительный завод имени Сталина. Вокруг него пышно разросся зеленый парк. У детских садов и яслей, у школ и больницы — повсюду расстилаются пестрые ковры клумб. На снимках: вверху — на территории завода, внизу — улица Парижской Коммуны.

Инженер-лесомелиоратор М. Свиридова (в центре) показывает работникам цеха озеленения Е. Павленко (слева) и П. Куликовой, как опылять флоксы.

Хорошо после работы отдохнуть на таком балконе!

В заводских цветниках выращивают самые разнообразные сорта цветов.

Памятник герою

Недавно в Орле был открыт памятник Герою Советского Союза генерал-майору Л. Н. Гуртьеву. Автор скульптуры — Е. В. Вучетич.

Леонтий Николаевич Гуртьев прошел славный боевой путь от солдата до генерала. Он сражался с бандами Краснова, участвовал в подавлении контрреволюционных мятежей. В годы Великой Отечественной войны дивизия Гуртьева в районе Сталинграда отбила свыше ста вражеских атак. После Сталинграда дивизия участвовала в битве за Орел. Генерал Гуртьев пал смертью героя на ближайших подступах к городу. Воины его дивизии выполнили предсмертный приказ командира: первыми ворвались в Орел.

А. ПАРЛОВ

На снимке: памятник Л. Н. Гуртьеву на площади его имени в Орле.

Встреча боевых друзей

Старые боевые друзья пришли поздравить А. И. Блинникова. Слева направо: Н. Е. Широких, Д. К. Гончарова, А. И. Блинников, О. А. Лазо и Г. Т. Перевозчиков.

Фото Е. Умнова.

— Здравствуй, тятя!.. От всей души поздравляю!

— Спасибо, спасибо, дорогой!..

И седой человек, которого все называли тятей, обнял пожилого мужчину.

Тут же подошли другие люди, снова объятия и поцелуи...

Так поздравляли Андрея Иннокентьевича Блинникова. Забайкальский казак родом, сельский учитель по профессии, он вступил в коммунистическую партию в 1906 году. Блинникову исполнилось 70 лет, и правительство за революционные заслуги перед Родиной наградило его орденом Трудового Красного Знамени.

Кличку «Тятя» ему дали в подполье. Он вел среди забайкальских казаков и старателей пропаганду против царского режима. Попал в тюрьму, но счастливая случайность вновь вывела его на свободу. Молодой учитель устроился в сиротский дом воспитателем. «Тятя» вырастил плеяду отважных подпольщиков и вожаков партизанских отрядов, которые немало попортили крови колчаковцам, семеновцам, японским и американским интервентам.

Блинников в 1920 году был одним из видных деятелей Дальневосточной республики и ее народно-революционной армии, которая освободила русские берега Тихого океана от японских захватчиков.

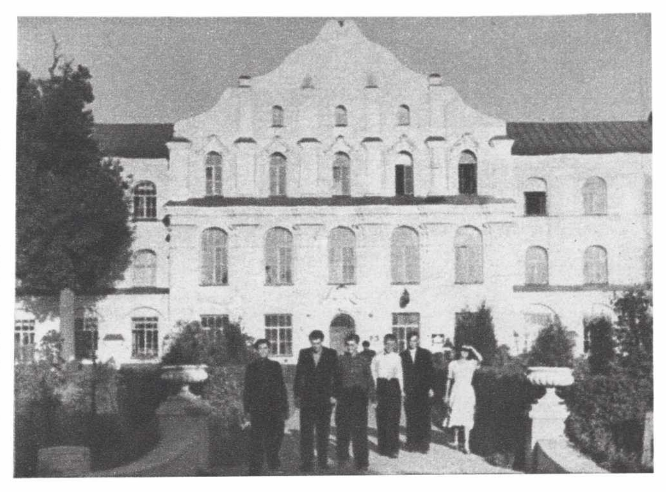
В доме Андрея Иннокентьевича (живет он в Кратове, под Москвой) мы встретили и других участников тех памятных событий. Вот жена легендарного Сергея Лазо — Ольга Андреевна, полковник, преподавательница одной из военных академий. Рядом с нею дерзкий и неуловимый подпольщик, читинский столяр Григорий Трофимович Перевозчиков.

Пенсионер Назар Ефимович Широких, известный в свое время на Дальнем Востоке партийный работник, сказал нам:

— Наш тятя — неутомимый старик. Началась война против гитлеровцев, и он ушел добровольно на фронт. Представьте себе, месяца четыре служил Андрей Иннокентьевич велосипедистом в роте связи. И это в его годы! Он и сейчас, получая пенсию, без дела сидеть не может: работает секретарем поселковой партийной организации, а в ней 135 человек...

С. КАНЕВСКИЙ

УКРАИНСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ

Один из корпусов академии.

Фото Н. Пирковского.

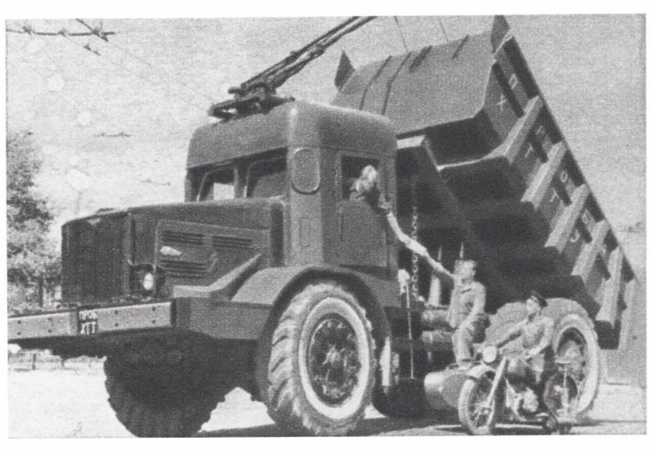
Открылась Украинская сельскохозяйственная академия. Она создана на базе двух институтов — сельскохозяйственного и лесохозяйственного. Кафедры и лаборатории новой академии оснащены совершенным оборудованием, новейшей сельскохозяйственной техникой. Вокруг раскинулись опытные поля и сады.

На 10 факультетах занимаются 4 тысячи студентов; 950 из них — первокурсники. В лаборатории органической химии мы встретились с известным машинистом молотильного агрегата депутатом Верховного Совета СССР Н. Н. Бредюком. Он принят на первый курс факультета механизации. В числе студентов много передовиков сельского хозяйства — председателей колхозов, агрономов, механизаторов.

В академии работают 30 действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук УССР, докторов наук, 122 кандидата наук.

В. ШУМОВ

Троллейвоз-самосвал

25-тонный троллейвоз-электросамосвал.

На предприятиях горной промышленности широко применяются автосамосвалы. Недавно работники Института горного дела Академии наук УССР в содружестве с работниками Харьковского троллейбусного парка и треста «Союзнеруд» создали 25-тонный троллейвоз-электросамосвал. Он предназначен для перевозки руд и горных ископаемых, разрабатываемых открытым способом.

Эта машина имеет большие преимущества перед автосамосвалом. Она отличается простотой устройства, развивает большую скорость, легко преодолевает подъемы. Улучшаются условия труда водителя.

Перевозка грузов троллейвозами обходится значительно дешевле, чем автосамосвалами. Для эксплуатации применяется несложная переносная контактная сеть.

Г. САПОЖНИКОВ

Киоск без продавца

Взяв свежую газету, журнал или книгу, покупатель кладет деньги на стол и уходит. Уже несколько месяцев существует киоск «Союзпечати» без продавца на Свердловском заводе транспортного машиностроения. Организован киоск заводской библиотекой.

Здесь проданы тысячи газет, сотни журналов и книг.

На снимке: покупатели у киоска.

Фото И. Шубина.

Универмаг в Гостином дворе

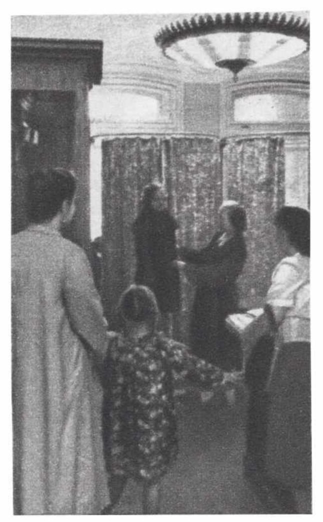
В этом магазине, разместившемся на трех этажах, широкие и длинные залы разделены арками. Сто продавцов предлагают на выбор самые различные товары для детей. Тут можно купить все, что необходимо ребенку в возрасте от одного дня.

Этот крупнейший детский универсальный магазин недавно открыт в Ленинграде. Он находится в старинном Гостином дворе. Общая площадь его равна почти пяти тысячам квадратных метров.

Первый этаж. С Невского проспекта вливается поток покупателей. Входит женщина с тремя детьми.

— Вы для всех хотите приобрести покупки? — спрашивает работник универмага.

— Нет, только для одного,— отвечает мать.

В отделе готового верхнего платья.

Фото Н. Ананьева.

Ей советуют оставить двоих детей в специальной гостиной для малышей, где за ними будут присматривать. Пока родители обходят залы, выбирая нужную вещь, дети развлекаются игрушками.

Мраморная лестница ведет на второй этаж. Стены красиво отделаны деревом, украшены художественными панно.

На полках отдела «Мать и дитя» — все для новорожденных: голубые и розовые распашонки, белоснежные чепчики. У другого прилавка — все для тех, кто делает первые шаги в своей жизни.

Красочен и наряден отдел игрушек. Тут большой выбор резиновых, целлулоидных, металлических и пластмассовых кукол, зверей, машин...

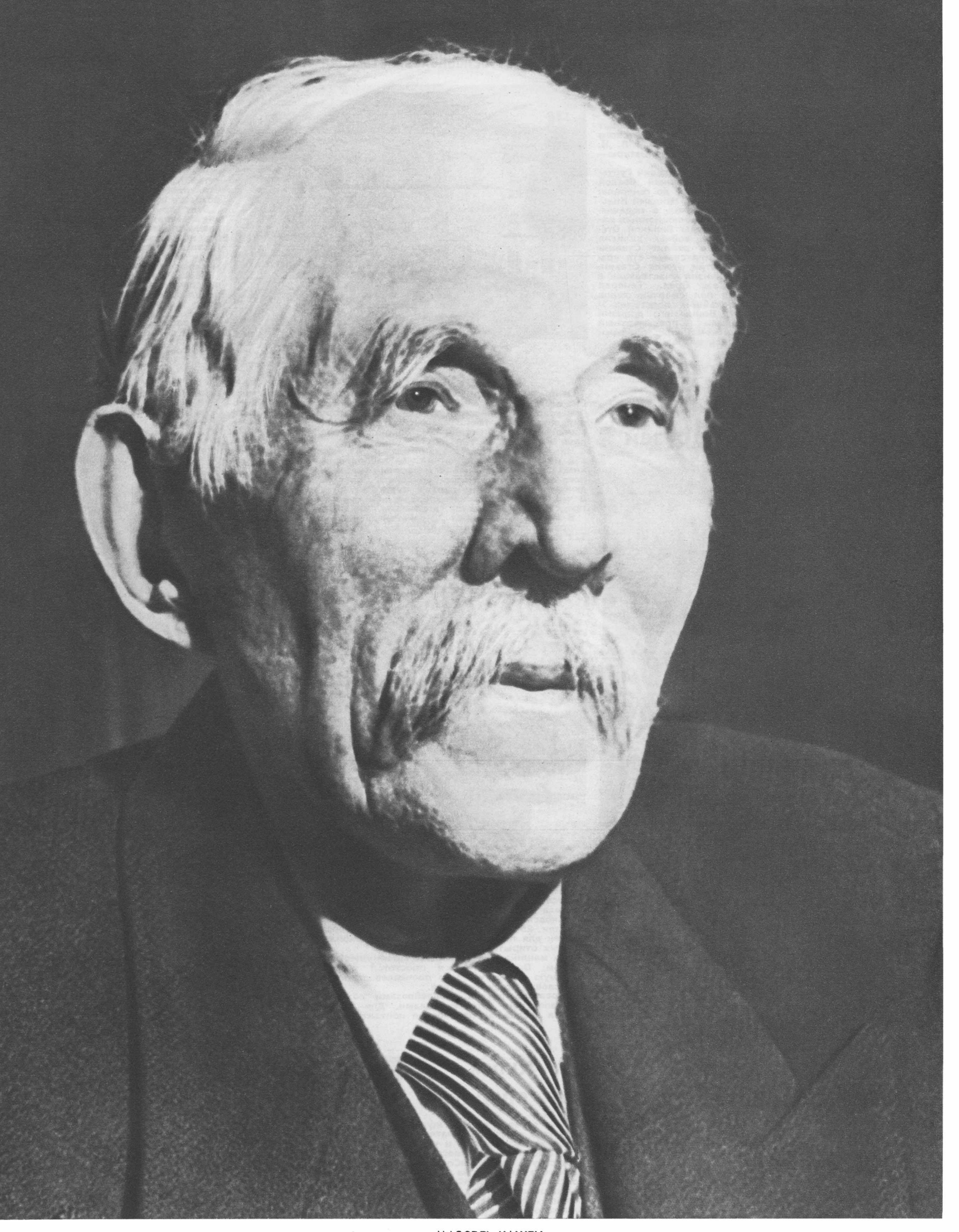
А вот — все для школьников. Здесь продается новая школьная форма для мальчиков. Ребята примеряют фуражки, блестящие ремни с солидными бляхами. В секциях готовых изделий — костюмы, пальто, обувь, трикотаж. В школьном отделе богатый выбор письменных принадлежностей. В отделе юного фотолюбителя — аппараты, фотоматериалы.

Свыше двухсот предприятий различных городов страны поставляют товары детскому универмагу.

В обширном здании, помимо детской комнаты, уголок кормящих матерей, детский «ресторан», оборудованный специальной мебелью.

К. ЧЕРЕВКОВ

МАРСЕЛЬ КАШЕН.
Директор газеты «Юманите», один из основателей Французской Коммунистической партии.
(К 85-летию со дня рождения)

Художники трех республик

В одном из залов выставки. Посетители осматривают произведения грузинских художников.

Фото Э. Евзерихина (ТАСС).

Сочные по колориту, будто залитые солнцем картины, выразительные и строгие по форме скульптуры, разнообразные графические серии богато представлены на выставке работ художников Армении, Грузии, Азербайджана, открытой в залах Академии художеств СССР.

Новые интересные произведения представили известные мастера М. Сарьян, П. Сабсай, Г. Гюрджян, А. Кутателадзе, А. Коджоян. С собственным восприятием жизни, без выдумывания и излишней красивости умеют изобразить увиденное молодые художники, которые продолжают развивать традиции национального искусства. Примечательно, что на этой выставке много новых имен, значительны успехи молодежи.

Самой жизнью подсказан сюжет картины А. Папяна «На учебу». Группа юношей и девушек в купе вагона. Непринужденная композиция, естественные позы, хорошие молодые лица, индивидуальные характеристики, данные живописцем,— все это заставляет запомнить картину.

Молодой задор ощущается в картине М. Абдуллаева «Подруги». Со всей полнотой раскрывается жизнерадостный характер грузинского колхозника в портрете кисти А. Зурабова.

М. Абдуллаев, С. Багдасарян, Э. Мамедов, А. Зурабов с увлечением показывают советских людей, их радостный труд. Но ни один из художников, чье творчество представлено на выставке, не попытался изобразить своих героев за будничной работой или в особенно трудные минуты жизни. Поэтому иной раз невольно ощущаешь некоторую парадность, легковесность решения живописных полотен. Многие события, которые находятся в центре внимания нашего народа, не нашли должного воплощения в произведениях закавказских художников.

Значительное место на выставке занимает графика. Здесь и сатирические плакаты на международные темы С. Арутчана, карикатуры А. Наджаф-Кули, иллюстрации У. Джапаридзе к поэме И. Чавчавадзе «Како Качаги» и Садых-заде — к произведениям Бальзака, Тургенева и Горького.

Н. СВЕТЛОВА

Семь мячей

Встреча сборных команд СССР и Швеции

Служащие московского стадиона «Динамо», готовившие утром 8 сентября стадион к предстоящему вечернему матчу, увидели на поле трех солидных, незнакомых им людей. Они делали разминку, а пробежав четыре круга, занялись гимнастикой. Это судьи — англичанин Вильям Линг, Мартин Мацко из Чехословакии и Фольке Нюберг из Финляндии — готовились к состязанию сборных команд СССР и Швеции...

И вот на поле выбежали футболисты. Шведы — в желтых рубашках, советская команда — в красных.

Футболисты СССР с первых же минут овладели инициативой. Пятерка нападения, возглавляемая Н. Симоняном, действовала продуманно и очень дружно.

На седьмой минуте крайний нападающий А. Ильин послал мяч вдоль ворот, и набежавший Н. Симонян забил первый гол. Буквально через две минуты другой крайний нападающий, Б. Татушин, навесил мяч на вратарскую площадку, и А. Ильин головой послал его в ворота. Третий гол забил в свои ворота шведский защитник.

Гости пытаются наладить игру, организовать атаку, но все их усилия разбиваются о спокойные, уверенные действия наших защитников — Н. Тищенко, А. Башашкина, Ю. Седова. Полузащитники советской сборной капитан команды И. Нетто и А. Парамонов контролируют всю середину поля.

За десять минут до конца первой половины игры А. Ильин передал мяч А. Гогоберидзе, и тот с ходу забил четвертый гол.

Во второй половине картина не изменилась. Правда, вратарю советской сборной Л. Яшину пришлось отразить два опасных удара, но в общем преимущество наших футболистов было бесспорным, и игра закончилась со счетом 7 : 0.

Судья В. Линг разыгрывает ворота и право первого удара по мячу.

Шведская печать широко комментировала матч.

«Моргон-тиднинген» отмечает, что это—самое большое поражение сборной Швеции за последние сорок лет. Несмотря на самоотверженную игру, шведы ничего не могли сделать со своими противниками, которые превосходили их во всех отношениях.

Советская команда, подчеркивается в телеграмме Шведского телеграфного бюро, показала во время игры «футбол самого высокого класса». Газета «Свенска дагбладет» указывает, что «русская команда была фантастически хороша... Русские были тверды, как гранит, быстры, как ветер, и технически они явно превосходили шведов».

О. ШМЕЛЕВ

Четвертый гол в воротах сборной Швеции.

Фото А. Бочинина.

XI шахматная олимпиада

Перед финалом

6 СЕНТЯБРЯ.

Физически невозможно следить одновременно за десятками шахматистов. Но после пяти напряженных часов игры участники и капитаны команд собираются за большим столом для дружеского ужина. Тогда по одному внешнему виду шахматистов можно догадаться о результатах игры. На лицах одних радость, у других грусть в глазах. Когда кто-либо на карманных шахматах показывает позицию, то не нужно знать языка.

Обращает на себя внимание, что за этим большим семейным столом, за которым сидят представители 26 стран, никто не заказывает алкогольных напитков. Алкоголь для шахматистов противопоказан. Ботвинник предпочитает чай с лимоном, многие — кофе, Смыслов — за апельсинный сок. Несмотря на усиленную американскую рекламу «кока-кола», этот напиток здесь непопулярен. Шахматистов не так просто «укокаколить».

В огромном здании «Аппо-ло-холл» оборудовано несколько телефонных будок для международных разговоров. Вот Копенгаген вызывает Нильсена. К телефону бегут сразу трое. В команде Дании, оказывается, есть три Нильсена!..

Москву сегодня вызывают мало. Во-первых, наши сегодня не играют, во-вторых, пока вообще нечего волноваться. Разве есть в Москве человек, который сомневается, что наши попадут в финал?..

7 СЕНТЯБРЯ.

Неутомимый человек — доктор Эйве! Позавчера он еще был в Южной Африке, вчера он дал сеанс одновременной игры делегатам конгресса математиков в Амстердаме. После сеанса чемпион Голландии выступил в радиостудии, а затем писал отчеты об олимпиаде для разных газет.

Австрии удалось отнять у чемпиона мира — команды СССР — две половинки, то есть целое очко! Не обошлось сегодня и без «неожиданностей». Ими можно считать победу команды Англии над Венгрией и особенно поражение команды Югославии (в составе которой три гроссмейстера) от команды маленького Саара.

8 СЕНТЯБРЯ.

Советские шахматисты сегодня снова свободны от игры, и вся команда во главе с чемпионом мира М. Ботвинником слушает передачу со стадиона «Динамо» в Москве, где идет футбольный матч СССР — Швеция. Счет 7 : 0 в нашу пользу.

Шведский гроссмейстер Штальберг при встрече с нами шутит: «7 : 0 вы у нас выиграть не можете. Максимум 4 : 0».

Аргентинцы испытывают сильные треволнения. Над ними нависла угроза не попасть в финал. В их группе прекрасно играют команды Чехословакии и Болгарии. Претендует на выход в финал и команда Канады. С сегодняшнего дня капитаном команды Аргентины назначен гроссмейстер Найдорф. Новый капитан дает первое руководящее указание: всем участникам команды быть дома не позднее 11 часов вечера.

9 СЕНТЯБРЯ.

Под крупными заголовками вся голландская печать объявила накануне о встрече команд «СССР — Голландия». Зрители, переполнившие турнирный зал, затаив дыхание, следят за этой центральной встречей дня. Эйве и Ботвинник с 1934 года часто играли между собой, и голландский гроссмейстер — один из тех редких гроссмейстеров, у кого равный счет с чемпионом мира. И сегодняшняя борьба между ними после сложной игры закончилась вничью. Бронштейн в отличном стиле выиграл у Кортливера. Хороший день сегодня у Принса, которому удалось нанести поражение Котову, «шахматному гиганту», как здесь пишут. Результатом 2 : 2 были довольны все голландцы. Доволен был в конце вечера и кассир: сегодня продано 2 012 билетов!

На олимпиаде. Эйве, Доннер и Ботвинник, Смыслов.

На следующий день все газеты с удовольствием отметили этот ничейный результат команды голландцев. В газетах на первых страницах рядом с сообщениями о крупной воздушной катастрофе, о землетрясении в Алжире появилась фотография Принса — героя дня шахматного матча СССР — Голландия. Наши шахматисты не огорчены. Проиграть одну из 20 партий не страшно.

Аргентинцы выиграли решающий матч у Канады — 3 : 1. Таким образом, команда Аргентины будет единственным представителем заокеанских стран в финале.

11 СЕНТЯБРЯ.

Наша команда последний матч полуфинала играла с Исландией. Ботвинник и Смыслов отдыхали. Бронштейн сделал ничью, Керес, Геллер и Котов одержали по победе каждый. Общий счет— $3\frac{1}{2} : \frac{1}{2}$ в пользу команды Советского Союза, занявшей первое место в своей группе и вышедшей в финал.

В целом полуфиналы не принесли особых неожиданностей. Радуют успехи Чехословакии, Венгрии и Болгарии.

Только одно очко (из 20 возможных!) набрала команда Люксембурга.

Завтра начинаются финальные соревнования 12 победителей. Предстоит упорная борьба.

Сало ФЛОР

Амстердам (по телефону).

Индийские гости в Москве

Индийские гости на Московском автозаводе имени Сталина. Справа — глава делегации Кастурбхай Лалбхай.

Фото Б. Колесникова.

Еще не успели смолкнуть в залах Москвы и Ленинграда аплодисменты, которыми советские люди приветствовали замечательных мастеров индийского искусства, и вот во Внукове приземляется самолет с делегацией представителей промышленных и деловых кругов Индии во главе с господином Кастурбхай Лалбхай.

Через несколько дней после прибытия индийских гостей корреспондент «Огонька» встретился с главой делегации.

— Мы приехали в Москву,— сказал господин Кастурбхай Лалбхай,— по поручению правительства Индии для того, чтобы познакомиться с советской промышленностью и сельским хозяйством. В составе нашей делегации девять человек, непосредственно заинтересованных в развитии различных отраслей индийской промышленности. С. П. Джейн, например,— известный промышленник Калькутты: джут, цемент, бумага, сахар — вот сфера его деятельности. Ш. Л. Кирлоскар — директор индийских предприятий, вырабатывающих дизели и электромоторы, насосы и станки. В делегацию входят также видные эксперты в области промышленности. Лично я являюсь владельцем нескольких текстильных фабрик и нескольких заводов, на которых работает около восемнадцати тысяч человек.

Несколько членов нашей делегации принадлежат к деловым кругам, связанным с сельским хозяйством. Среди них крупные фермеры, правительственные чиновники и эксперты.

Каковы наши первые впечатления? Прежде всего следует сказать несколько слов о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Многое из того, с чем мы познакомились там, было для нас неожиданным. Мне бы хотелось специально отметить два павильона: механизации, где мы видели множество прекрасных современных машин, и животноводства. Достигнутые в этой области успехи могли бы сделать честь любой стране; они делают честь вашим колхозам и совхозам. Я был в Соединенных Штатах и знакомился с тем, как там поставлено животноводство. Достижения ваших животноводов можно сравнивать с кем бы то ни было без ущерба для вас.

Мы побывали на московских заводах имени Сталина и «Красный пролетарий». Это большие предприятия, хорошо организованные и оснащенные самыми современными механизмами.

Сегодня утром мы посетили Московский университет на Ленинских горах. Его большие масштабы, его планировка и архитектура, возможности для приобретения знаний, которые он предоставляет,— все это приятно поражает.

Наша делегация,— говорит в заключение господин Кастурбхай Лалбхай,— собирается совершить поездку по СССР. Новые встречи дадут нам возможность составить ясное представление о советской экономике.

Директор центральной тракторной организации при правительстве Индии С. П. Сривастава сказал нашему корреспонденту:

— Мы проведем в вашей гостеприимной стране целый месяц. Это очень много и очень мало. Дело в том, что я приехал в Москву для того, чтобы познакомиться с тракторной промышленностью, колхозами, машинно-тракторными станциями, совхозами. На сельскохозяйственной выставке я был уже пять раз. И думаю, что мне придется снова и снова ходить из павильона в павильон. В павильоне механизации есть много такого, что стоит изучить. Особенно меня заинтересовали электротрактор и легкие полевые радиоустановки.

Вернемся, однако, к колхозам. Когда я узнал о том, как они организованы, я сказал себе: это замечательно! Когда я узнал о помощи, которую оказывает ваше государство крестьянину, я снова сказал себе: это замечательно! Я никогда не думал, что у вас так много современных высокопроизводительных сельскохозяйственных машин. У нас в Индии тоже есть группы тракторов; они рассыпаны по всей стране. По возвращении я смогу сделать моему правительству ряд конкретных предложений на основе советского опыта, и я надеюсь, что это окажет нам серьезную помощь.

Член делегации С. Р. Сен, советник по экономическим и статистическим вопросам министерства продовольствия и сельского хозяйства, сказал:

— Я лично заинтересован в изучении проблемы освоения целинных земель. Эта проблема стоит и перед нами, в Индии. Мы предполагаем в течение ближайших пятнадцати лет освоить около десяти миллионов гектаров. Вполне возможно, что после детального изучения советского сельскохозяйственного машиностроения мы предложим испытать некоторые советские машины в условиях Индии. Перед самым отъездом нашей делегации в одном из индийских портов с корабля были выгружены четыре советских трактора. Сейчас они как раз проходят испытания.

Мне хотелось бы в заключение отметить дружественный прием, который нам оказывают все, с кем мы встречаемся в Советском Союзе, а также тот приятный факт, что на любой интересующий нас вопрос мы получаем быстрый и исчерпывающий ответ.

Горные пасеки

В живописных горах Заилийского Алатау среди зарослей диких яблонь, груш и абрикосов, которые покрывают ущелья и склоны, белеют миниатюрные домики. Это пчелиные ульи. Колхозы Алма-Атинской области держат пасеки в горах.

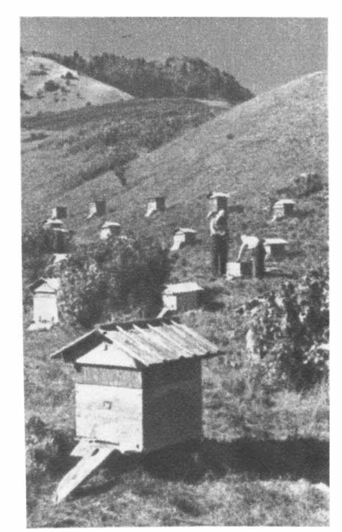
Обширные пасеки у колхозов «Горный гигант», имени Мичурина, имени Сталина. Лучше всего развито пчеловодство в колхозе «Политотделец». 24 пасеки имеет в горах этот колхоз. 2 870 ульев насчитывается в них — целый городок пчелиных домиков!

В ущелье близ бурной горной реки раскинулась пасека № 12. Почти пятнадцать лет на этой пасеке работает Анатолий Семенович Терехин. В годы войны, когда он был на фронте, его заменяла жена Лариса Александровна. Теперь Терехины трудятся вместе.

В этом году семья Терехиных уже два раза качала из ульев мед. Со 126 ульев пчеловоды собрали 1 210 центнеров меда. Терехины будут качать мед в третий раз.

— Такой уж медоносный год,— говорит Лариса Александровна.

Колхоз «Политотделец» собрал со своих пасек около 25 тонн меда. От продажи меда и воска он получит в этом году более миллиона рублей дохода.

Пасека в горах.
Фото А. Бахвалова.

В. ЛАВРОВА

Пансионат «Синоп»

Сухумский пансионат «Синоп».
Фото В. Вахтангадзе.

В Абхазии стоит солнечная, теплая осень. Морское побережье усеяно отдыхающими.

Со всех уголков страны ежедневно приезжают в Абхазию сотни людей. Много отдыхающих и в столице Абхазии — Сухуми. Здесь можно встретить жителей Москвы и Ленинграда, Харькова и Петрозаводска, Сахалина и Нарьян-Мара...

На высокой горе, покрытой густой зеленой шапкой, среди кипарисов и магнолий виднеются розовые домики — это корпуса недавно открытого пансионата «Синоп». Здесь одновременно может отдыхать до 200 человек. Комфортабельные номера рассчитаны на два—три—четыре места. При пансионате имеется гараж для легковых машин, моечная станция. Рядом со зданиями гостиницы оборудован ресторан. Пансионат располагает своими теплицами, позволяющими круглый год обеспечивать отдыхающих свежими овощами.

К. КОНСТАНТИНОВ

ДВАДЦАТЬ ОДНО

Рассказ

Леонид ВОЛЫНСКИЙ

Рисунок П. Караченцова.

1

— Судить? — усмехнулся Кирилл.— А по какой, извините, статье?

На этот вопрос ответить было нелегко. Николай Виноградов нахмурился, поправил пальцем очки и посмотрел в окно. Желтый освещенный прямоугольник бежал рядом с вагоном по морщинистой каменной стене. «Урал,— подумал он.— Вот и это прозеваю»... Вагон заметно покачивало.

— Безобразие какое! — сказал Николай.— Черт знает что!..

— Может, я хулиганил? — мягко спросил Кирилл.

Николай помолчал. Нет, этот парень с аккуратно зачесанными, густыми, слегка вьющимися волосами и спокойным, чуть-чуть насмешливым взглядом вовсе не хулиганил. Наоборот. Можно сказать, вел он себя всю дорогу даже как-то слишком сдержанно.

Другие ребята горланили, бегали из вагона в вагон, без конца требовали у проводника стаканы, мусорили яичной скорлупой, исчезали на станциях и бегом догоняли поезд, прижимая к груди соленые огурцы или моченые яблоки, завернутые в газету. Этот же смотрел на все скучающими светлыми глазами и помалкивал.

Между Москвой и Сызранью было много разговоров о Волге, всем хотелось посмотреть на нее, но выяснилось, что Волга будет только в половине первого ночи. С двенадцати все прилипли к окнам, держа ладони козырьками у глаз. Кирилл сказал: «Подумаешь, снега не видели»... И растянулся на полке, закинув руки за голову.

Действительно, ничего, кроме снега и черного неба, никто не увидел; но в словах Кирилла было что-то неуловимо обидное, как и в его взгляде.

И все же ребята тянулись к нему. Вероятно, тут дело было в том ощущении спокойствия, какое исходило от него.

В первый же день он от нечего делать предложил кое-кому из ребят попробовать силу руки. Первого, второго и третьего он прижал, почти не напрягаясь, и сказал: «Эх вы, орлы, а еще на целину едете!» Потом к нему подходили еще и еще, и он молча, улыбаясь одними глазами, ставил локоть на вагонный столик и предлагал подошедшему благожелательно приоткрытую, чисто вымытую ладонь. Через полминуты противник сидел красный, а Кирилл, все так же спокойно улыбаясь глазами, говорил: «Шашлык надо кушать»...

Наконец, привели из пятого вагона какого-то верзилу в крохотной кепчонке и с виднеющимся из-под раскрытого ворота полосатым треугольничком тельняшки. После этого никто уже не пытался ставить свой локоть на столик. А Кирилл снисходительно и чуть-чуть насмешливо улыбался.

На второй день пути он достал из рюкзака колоду карт, задумчиво пощелкал ею, глядя в окно, и предложил пареньку, сидевшему напротив:

— Метнем?

— В дурака? — спросил паренек.

— Ты что? — усмехнулся Кирилл. Он выбросил из колоды на столик десятку и туза.

— Очко? — спросил паренек.— Это я не умею.

— Шляпа,— сказал Кирилл.— Человек должен все уметь.

Паренек нерешительно пожал плечами. Но насмешливый взгляд Кирилла сделал свое дело, и через полчаса паренек сидел, наморщив лоб, и обдумывал, взять или не взять еще карту.

— Как держишь? — говорил Кирилл, щурясь.— Я же у тебя всю игру вижу. Вот так. Надо, брат, свои карты прятать, на доверчивости не проживешь. Ну, что? Дать?

Паренек взял карту и просиял.

— Вот видишь,— усмехнулся Кирилл.— А еще говорил — «не умею»...

Через час на чемодане, поставленном между полками, лежала кучка измятых денег, а паренек сидел, наморщив лоб и осторожно прикрыв карты ладонью.

— Дать? — насмешливо улыбался Кирилл.

Паренек долго и мучительно думал, но это мало помогало ему. Прикупал ли он карту или нерешительно останавливался, выигрывал Кирилл. Спокойный и улыбающийся, он небрежно совал измятые бумажки в карман и передавал вспухшую колоду с тем, чтобы через несколько минут снова взять ее своими крепкими пальцами.

Рядом с ними сидели и стояли ребята, напряженно следя за происходящим. Гипноз игры уже владел ими, и каждая сторона имела своих болельщиков.

— Может, хватит? — сказал Кирилл, когда паренек в четвертый или пятый раз полез в карман за подкреплением.

— Чего это? — сказал паренек.

Его круглое безусое лицо со светленьким пушком на щеках за какой-нибудь час побледнело, глаза стали беспокойными, а на лбу выступили мелкие капельки пота.

— Жаль мне тебя, вот что,— сказал Кирилл, тасуя колоду.

— Давай,— нахмурился паренек.— Тоже, жалельщик нашелся...

— Ладно,— сказал Кирилл. Лицо его стало жестким, и в глазах погасла улыбка.— Смотри только маме не жалуйся...

В последующие два часа паренек проиграл все деньги, включая и ту половину подъемных, которая лежала у него в кармане, застегнутом английской булавкой.

— Ну что?.. — спросил Кирилл и щелкнул колодой.

Паренек сидел, хмуро потупившись, растерянно потирая одной рукой другую.

— Вот дает!.. — прошептал кто-то из болельщиков.

— На заем подписывался? — спросил Кирилл.

Кто-то из ребят хихикнул. Кирилл строго повел холодными серыми глазами.

— Никаких шуток! — сказал он.— Отыграться хочешь? Принимаю рубль за рубль. Ну?

Паренек, еще больше бледнея и плохо видя от стыда и волнения, достал с третьей полки фанерный чемодан. Кирилл равнодушным взглядом следил, как он роется там, переворачивая и сминая заботливо уложенные носки и рубашки. Через полчаса облигации перекочевали к нему в карман. Паренек сидел, покусывая губы. Он чувствовал себя так, будто проиграл не деньги, а нечто неизмеримо более важное — а что, он и сам понять не мог.

— Пиджак у тебя — будь здоров... — насмешливо прищурился Кирилл.

Паренек подумал секунду и молча, слыша удары своего сердца, принялся сбрасывать пиджак. Ох, если бы все повернулось!.. Может же все вдруг повернуться, вот так же неожиданно, как это случилось. Все было так хорошо...

Он снял пиджак и вынул из карманов паспорт, трудовую книжку, комсомольский билет и путевку. И как раз в этот момент Николай Виноградов подошел с другого конца вагона, протолкался между ребятами и увидел все.

Минуту — другую он стоял молча, хмурясь и поправляя пальцем очки. Черт его дернул уснуть!..

— Ты что делаешь, Виктор? — тихо спросил он.

— А тебе чего? — не глядя на него, сказал паренек. Бледное лицо его медленно покраснело.— За сколько пойдет? — спросил он у Кирилла неожиданно севшим, хриплым голосом.

— В дым продулся,— сдавленным шепотом сказал кто-то сзади.

Кирилл, усмехаясь одними глазами и ощущая всем своим существом присутствие Николая Виноградова, нарочито медленно пощупал рукав пиджака. Этот узкогрудый парень в очках и с самопишущей ручкой был ему чем-то неприятен.

— Триста,— сказал он наконец.

— Давай,— хрипло сказал Виктор.

Кирилл сдал. Виктор посмотрел и сказал:

— Себе.

Кирилл посмотрел свои две карты, подумал и взял еще одну. Он накрыл ею те две, взял все три с чемодана и медленно, как только мог, принялся выдвигать третью. Первые две были десятка и девятка... «Черт бы подрал этих умников: «Ребята, не шумите»... «Ребята, не сорите»... Интересно, что он сейчас запоет. Посмотрим...» Кирилл рывком выдвинул карту и бросил все три веером на чемодан. Третья была валет.

Все разом выдохнули: «А-ах...» Виктор, бледнея, положил свои карты рубашками вверх. Кирилл приподнял их двумя пальцами: десятка пик и десятка червей.

— Что такое не везет и как с ним бороться... — сказал он и усмехнулся.— Шашлык надо кушать. Понятно?

Он взял пиджак, снова пощупал рукав.

— Ну, а дальше?..— спросил Виноградов.

— Садись, сыграем,— сказал Кирилл. Он медленно, со вкусом перелил колоду из ладони в ладонь. Виноградов помолчал, поправил пальцем очки.

— Послушай,— сказал он как можно спокойнее.— Ты что, серьезно?

— А ты как думаешь? — усмехнулся Кирилл.

— Сколько продул? — все еще спокойно спросил Виноградов, обращаясь к Виктору. Паренек молчал, ковыряя ногтем ладонь.

— Еще чуток — и без портков остался б,— сказал кто-то сзади.

Все засмеялись. Виктор прикусил губу и наклонил голову.

— Та-ак,— вздохнул Виноградов. Он снова, на сей раз двумя пальцами, большим и указательным, поправил очки.

— Давай возвращай деньги и все такое! — решительной скороговоркой выдохнул он.— Слышишь?

— А ну, к-катись отсюда! — хриплым голосом сказал Виктор.— Тоже, член коллегии защитников нашелся...— Он поднял голову, и Виноградов увидел его налившиеся слезами круглые глаза.

Кирилл сидел, медленно, со вкусом переливая карты из ладони в ладонь, и Николай под его спокойным, насмешливым взглядом вдруг ощутил наплыв какого-то тупого, доводящего до ярости бессилия.

Перед самым отъездом его выбрали старшим по вагону. Вероятно, это произошло потому, что он носил очки и что из кармана у него торчала самопишущая ручка. А было ему всего лишь девятнадцать, и так же, как всем, ему хотелось до хрипоты петь под баян, бегать на станциях за солеными огурцами, рискуя отстать от поезда, и чувствовать себя суровым, сильным и отчаянным парнем — целинником, которому все нипочем.

Но ответственность есть ответственность. И он с утра до поздней ночи мотался по вагону, утихомиривал, уламывал, улаживал, вел дипломатические разговоры с проводниками и после каждой станции считал ребят глазами, как наседка цыплят...

И не раз уже он ловил на себе насмешливый взгляд этого спокойного парня с аккуратно зачесанными густыми, слегка вьющимися волосами. И хотя они за всю дорогу до этой злополучной минуты не сказали друг другу ни слова, между ними с самого начала натянулась невидимая напряженная нить.

2

Кирилл холодным взглядом проводил Николая: вот из-за таких и скучно на белом свете... Должно быть, в школе высиживал пятерки, надо бы в пединститут, а он — на целину. Эх-хе-хе-е...

Он усмехнулся, положил рюкзак под голову, растянулся на полке. Напротив, прерывисто вздыхая во сне, посапывал коротеньким носом Виктор; в желтоватом вагонном полусумраке смутно белело его круглое мальчишеское лицо. «Ничего, в другой раз умнее будет. Жизнь — это, брат, такая штука, ушами не хлопай...»

Он полежал на спине, прислушался к ровному перестуку колес. Вагон уже не покачивало, перевал кончился. Завтра он покажет этому очкарику. Тоже, судья нашелся... Он повернулся на бок и спокойно уснул.

Его разбудила предутренняя суета: подъезжали к Челябинску. Виктор сгорбился на своей полке, хмуро глядя в посеревшее окно. Кирилл взял из рюкзака полотенце, мыло, направился в тамбур. Николай Виноградов прошел навстречу с мокрыми волосами, держа очки в руке, щуря близорукие голубые глаза. Кирилл отвернулся.

Позже он слышал, как Виноградов, проходя, сказал: «В Челябинске не расходиться, будет собрание»...

Собрались в красном уголке вокзала, набилось полно, сидели не только на скамьях, но и на покрытых кумачом столах и на подоконниках. Кирилл, спокойно и чуть презрительно улыбаясь, нашел себе место, отыскал глазами Виноградова; тот, наклонившись над столом, чертил что-то на листочке бумаги, вертя в пальцах самопишущую ручку.

— Давай начинай,— сказал кто-то сзади.— А то и в город сходить не успеем.

Виноградов поднял голову.

— Успеем... Прикройте там дверь.— И затем: — У нас, ребята, случилось чрезвычайное происшествие, как говорится, «чепэ»...

«Ишь ты!» — усмехнулся Кирилл, не спуская улыбающихся глаз с Виноградова. К сердцу его вдруг подступила тяжелая, оглушающая ненависть, и он плохо слышал, что говорит Виноградов, только видел поблескивающие стекла очков, шевелящиеся пухлые розовые губы и светлую щетинку на подбородке. Потом Виноградов кончил, стало тихо, и в тишине кто-то сказал:

— Как говорится, четыре сбоку — и ваших нет. Здорово!

Все коротко хохотнули.

— Тише,— постучал концом ручки Виноградов.— Кто хочет?..

— Я,— неожиданно громко сказал Кирилл. Он поднялся и, как всегда бывало с ним в подобных случаях, до трезвой ясности успокоился.— Тут товарищ Виноградов в няньки записался, развел антимонию: мол, стыдно, и все такое...— Он сделал паузу и обвел всех улыбающимися глазами.— А я хочу спросить: по какому такому праву он тут устраивает комедию? Может, я хулиганил? Или напился? Шумел? Морду кому набил? Или, может, я сжульничал, нечисто играл и тому подобное? Какой такой закон я нарушил, пусть скажет...

Он снова сделал паузу и обвел всех глазами. Виноградов сидел, нахмурившись, глядя в стол, вертя в пальцах ручку.

— Так ты ж с парня чуть портки не снял,— сказал кто-то сзади.

— Подвезет — так и ты с любого снимешь,— обернулся Кирилл.— Игра есть игра, как говорится, сегодня ты, а завтра я, пусть неудачник плачет...

— Заплачу я, дождешься! — вдруг крикнул Виктор. До сих пор он сидел, низко наклонившись, ковыряя ногтем ладонь, а теперь выпрямился, и все увидели его покрасневшее круглое лицо и налитые слезами глаза.— А ты, Виноградов, тоже... — сказал он.— Я ошибся, мне и отвечать, в защитниках не нуждаюсь, понял?

Он поднялся и пошел к выходу, натыкаясь на скамьи.

— Стой! — Верзила в тельняшке двинулся наперерез и загородил дверь.— Погоди, браток, так не пойдет... А ты, пиковая дама,— тихо сказал он,— отдай парню деньги.

— Это что, самосуд? — мягко спросил Кирилл.

— Ходченко! — сказал Виноградов и постучал ручкой об стол.— Давай садись, тут дело не в деньгах.

— А чего он здесь свои законы устанавливать начинает?— пробормотал Ходченко.

— Вот в том-то и беда,— сказал Виноградов.

— Свои законы? — переспросил Кирилл и усмехнулся.— А я тебе, Виноградов, скажу: нравится тебе или не нравится, закон, между прочим, для всех один: кто сумел, тот и сверху.

— Врешь,— сказал Николай и побледнел.

— Нет, не вру,— спокойно ответил Кирилл.— И ты сам это знаешь.

Николай глубоко вдохнул, стараясь унять сердце.

— Кто еще хочет? — спросил он, не глядя на Кирилла.

— А чего тут говорить? — поднялся тщедушный парень в зеленом лыжном костюме.— Только зря время тратить. Я считаю, деньги отобрать мы, конечно, не можем: самосуд выходит. Пропади они пропадом... — Он помолчал и посмотрел в окно. На путях сипло прогудел паровоз, и окно застлало белым дымом.— А вот путевочку у такого типа отнять — это святое дело.

— Что-о? — переспросил Кирилл.

— Я говорю, путевочку отнять,— спокойно повторил парень.— Ошибочка, понимаешь, произошла. Не в ту сторону едешь, вот какая штука...

— Все?.. — спросил Виноградов (парень молча уселся). — Будут еще предложения?

В тишине снова прогудел паровоз. Кирилл обвел глазами всех. Ребята сидели, нахмурившись.

— Ставлю на голосование,— сказал Виноградов.— Кто за?.. Опустите. Кто против?

Кирилл краем глаза увидел, как Виктор, глядя в пол, поднял над головой руку.

— Понятно,— сказал Виноградов.— Опусти. Кто воздержался?

Было очень тихо. Кирилл заставил себя усмехнуться.

— Сдай путевку,— сказал в тишине Виноградов.

3

Кирилл вышел на ступени вокзала, все еще сохраняя на лице застывшую усмешку. Поправил на плече рюкзак. Падал мартовский мокрый снег... Кирилл пошел через площадь, оставляя за собой влажные — черные на белом — следы. Постоял у троллейбусной остановки. Люди в очереди, присыпанные снегом, говорили о чем-то своем; с шелестом подкатил троллейбус. Кирилл занес было ногу на ступеньку, но раздумал и, толкнув кого-то рюкзаком, пошел обратно. Две большие таблицы висели по обе стороны входа в вокзал: «Прибытие» и «Отправление». Он разыскал во второй строку «Челябинск — Москва», взглянул на часы, направился к двери с вывеской «Билетные кассы».

Все, что произошло сегодня, казалось ему нелепым, затянувшимся сном, и он все никак не мог проснуться и заставить себя подумать.

— До Москвы,— сказал он, наклонившись к окошечку.

— Только общие,— равнодушно откликнулась кассирша.

— Что? — испуганно переспросил он.

— Я говорю, только общие остались,— металлическим голосом повторила кассирша.

— Давайте,— сказал он и усмехнулся. «Совсем одурел»,— подумал он.

Компостер щелкнул, и он снова вышел на площадь. Снег все еще шел, слепящий и мягкий, и на черных ветвях деревьев в сквере лежали белые шапки. Он вошел в троллейбус, снял с плеча рюкзак, посмотрел сквозь заснеженное стекло на вокзальные часы. Времени оставалось все еще слишком много.

— До центра,— сказал он кондукторше.

— А у нас любой конец — полтинник,— улыбнулась она.

Он спрятал билет в рукавицу, посмотрел в окно. Незнакомый город бежал навстречу в облаках крутящегося снега. Мелькали вывески, люди, дома, и все это жило своей, отдельной жизнью, не имеющей никакого отношения к тому, что случилось сегодня. А что же, собственно, случилось? Ничего особенного, в конце концов... Просто эта размазня в очках добилась своего. Но ребята, ребята...

Он прикрыл глаза, увидел лес поднятых рук и скрипнул зубами. «Не в ту сторону едешь»... Ничего, это мы еще посмотрим...

— Следующая — Кирова,— сказала кондукторша.— Проходите вперед, граждане. Кто до центра спрашивал?

Он поднялся и вышел. Слева белела большая площадь, похожая на пустырь; за снежной пеленой виднелось массивное серое здание, должно быть, театр, и еще одно — с кирпичными колоннами, неоштукатуренное, в строительных лесах. Он закинул на плечо рюкзак, шагнул на тротуар, огляделся. Справа, на длинном темносером доме висела вывеска: «Гостиница Южный Урал», и ниже еще одна: «Ресторан». Захотелось есть.

Он прошел несколько шагов, жмурясь от слепящего снега, подумал и вошел в гостиницу. Бородатый швейцар стоял у вертящейся двери. Чистильщик протянул к нему длинные руки со щетками. Кирилл покачал головой, прошел к гардеробу, оставляя за собой мокрые следы, разделся. Взяв рюкзак за лямки, поднялся на второй этаж.

В ресторане было почти пусто. В конце длинного зала на помосте стояли пианино и покрытый чехлом барабан. Он прошел и сел у окна, поставил рядом с собой рюкзак. Впереди, через два столика, какой-то человек, седоватый, с сердитыми усами, налил из бутылки пиво в стакан, посмотрел на него и подмигнул. Официантка в тапочках и в белой наколке бесшумно подошла и положила перед ним меню. Человек подмигнул еще раз и показал на стул у своего столика.

Через пять минут они сидели вместе.

— Как-никак, веселее,— пояснил человек.— На целину? — спросил он и указал глазами на рюкзак.

Кирилл подумал секунду и ответил:

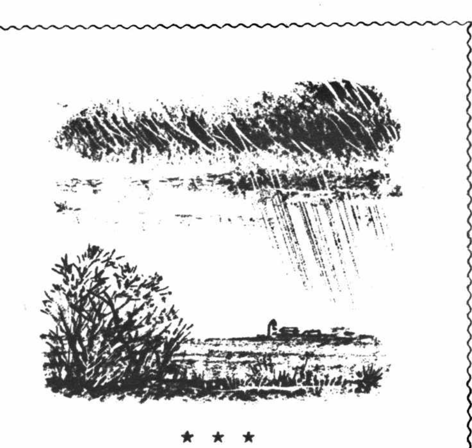
— Да.

— Сразу заметно,— сказал усатый. Он был явно доволен своей наблюдательностью.— Сразу видать,— повторил он, улыбаясь.— Пивка выпьешь?

«Надо бы водки»,— подумал Кирилл, но, взглянув на усатого, почему-то осекся и только молча кивнул. Усатый наполнил второй стакан.

— Ну, давай за комсомол...— Он взял стакан кривыми темными пальцами, на большом совсем не было ногтя.— Я ведь тоже из старых комсомольцев, еще Магнитку строил...

Кирилл молча цедил холодное горьковатое пиво.

* * *

Н. РЫЛЕНКОВ

В опустевшем поле скучно птицам,
Снегири зазимка ждут в кустах.
В эту пору осень-мастерица
На деревне обряжает свах.

Свахи смотрят хитрыми глазами,
Будто впрямь им все вершить дано,
А ребята с девушками сами
Сговорились уж давным-давно!

— Мы, между прочим, когда приехали, тоже на голое место, почище твоей целины,— сказал человек. Он отхлебывал маленькими глоточками, цепляя пену усами, то и дело ставя стакан на стол.— Маяковского: «Через четыре года здесь будет город-сад»,— знаешь такое стихотворение?

Он вздохнул, покачал головой. Лицо у него было тоже темное, будто навек обожженное солнцем, а верхняя половина лба — светлее, как под линейку.

— Как это у него? — Он наморщил двухцветный лоб, вспоминая: — «Мы в сотню солнц мартенами воспламеним Сибирь»... Так, что ли? Вот я на этом самом мартене и посейчас воспламеняю. Мастером.

Он снова вздохнул и наполнил стаканы.

— Ну, давай за ваши успехи, чтобы вам на целине удача была. Великое это дело, сынок...

Кирилл молча взял стакан. Дикий, нелепый сон все еще продолжался, и не было сил прервать его, и все вокруг бежало мимо, как незнакомая улица в облаках крутящегося снега, и все жило своей, отдельной, недоступной жизнью... Обжечь бы сейчас нутро, залить то, что тлеет там, в глубине. И снова все стало бы легко, невесомо, и можно бы не думать и не слушать...

А старый комсомолец все говорил и говорил, видно, соскучился по собеседнику. Рассказал о том, что живет на Магнитке, а сюда приехал на конференцию, делиться опытом, и вот сегодня — воскресенье, можно и посидеть, но одному-то в номере скучно, привык все время на людях.

Рассказал он и о том, как строили Магнитку: в пургу и в зной, без сна и отдыха, днем и ночью,— и что теперь, конечно, время пришло, можно и целину поднимать, техника-то какая!

— Теперь вам, ребята, легче,— сказал он.

«Да, легче»,— подумал Кирилл. Он вертел в пальцах пустой стакан, хмуро и сосредоточенно сдвинув брови, и усатый истолковал это по-своему:

— Конечно, первое время по дому скучать будете, эта трудность всегда остается. — Он сочувственно, по-отцовски вздохнул.— Твой поезд когда?

Кирилл взглянул на часы.

— Час пятьдесят еще,— сказал он.

— Стало быть, к Кустанайскому вас цепляют.— Для точности, а может быть, для того, чтобы показать Кириллу гравированную крышку: «Лучшему сталевару»...— он посмотрел и на свои часы.— Еще чуток посидим...

Он подозвал официантку, заказал два десятка мандаринов. Ресторанный зал постепенно наполнился. Пришли музыканты — четверо мужчин и женщина с аккордеоном,— и сразу стало шумно, бухал барабан, и усатый уже не рассказывал, а только приговаривал: «Заправляйся, брат, витаминами» — и по-отцовски смотрел на Кирилла, и это было уже совсем невыносимо.

— Мне, пожалуй, пора,— сказал Кирилл, кроша в пальцах пахучую мандариновую корку.

— Ну, иди, сынок, иди...

Кирилл оглянулся, ища глазами официантку, полез в карман. Измятые бумажки словно бы обожгли его, он выдернул руку и сунулся в другой карман.

— Ты что? — спросил усатый.

— Да ничего,— нахмурился он.— Рассчитаться надо.

— Ну, это не твоя забота. Иди, иди, пригодятся тебе твои денежки.— Он сердито подтолкнул Кирилла ладонью в спину: — Иди...

Кирилл поднялся, пожал протянутую руку.

— Ну, смотри! — Усатый свирепо нахмурился и поставил дыбом усы.— Смотри там!

Больше он ничего не сказал. Кирилл взял рюкзак и пошел, не оглядываясь, сквозь шум, и разговоры, и барабанное буханье.

Внизу, в вестибюле, было тихо. Чистильщик драил сапоги какому-то военному. Швейцар курил папиросу, пуская дым ноздрями, длинная борода его дымилась.

Кирилл толкнул вертящуюся дверь и вышел на улицу. Снег перестал, к вечеру подморозило. Площадь напротив уже не казалась такой пустынной: видны были дальние дома, синеватые на холодном малиновом небе, и прикрытый свежими сугробами бетонный фонтан в центре. Под ногами поскрипывало.

Он пересек улицу, прошел к троллейбусной остановке, постоял, отвернувшись от ветра, посмотрел на фанерное объявление, криво приколоченное к деревянному столбу: «Требуются токари, слесари, инструментальщики, наладчики, арматурщики»... Список был длинный, в два столбца, а внизу стояло: «В неограниченном количестве»...

«Можно бы и остаться»,— подумал он. В свои девятнадцать был он уже и токарем, и шофером, и даже — месяца два — диспетчером в гараже, и все искал чего-то, выгадывал... «Рыба ищет, где глубже...» — подумал он и усмехнулся. Подошел троллейбус. Он увидел надпись «Парк культуры — Вокзал», секунду помедлил и вошел.

Снова побежали навстречу дома, и вывески, и люди, и вскоре он увидел вокзальные часы: они уже светились в ранних пепельных сумерках неярким желтым светом. До поезда оставалось двадцать минут.

Он пошел, не торопясь, на перрон. Скорый Челябинск — Москва стоял на первом пути, у вагонных дверей толпились провожающие. Он нашел свой вагон, вошел, снял с плеча рюкзак. Сразу стало жарко, но он не разделся, сел, опустил голову на руки.

— Граждане пассажиры,— гундосо сказал на перроне репродуктор,— через пять минут с шестого станционного пути отправляется поезд номер пятьдесят девять следованием Челябинск — Кустанай. Просьба к провожающим освободить вагоны...

Он поднял голову и прислушался. Сердце его упало куда-то вниз, подскочило и гулко забилось.

— Повторяю,— монотонно пробубнил репродуктор,— через пять минут с шестого станционного пути...

— Чепуха... — Он зачем-то взглянул на часы, сунул в карман руку, нащупал измятые бумажки.— Чепуха...— повторил он.

Сердце билось все так же гулко, он глубоко вздохнул, оглянулся и, взяв рюкзак, быстро пошел к выходу. Человек с двумя чемоданами попался ему навстречу, он прижался к стене, пропустил его и, не помня себя, выскочил из вагона и побежал вдоль поезда, на ходу закидывая на плечо рюкзак, оскальзываясь на притоптанном снегу. На втором пути стоял еще один состав. Он нырнул под вагон, цепляясь за что-то рюкзаком и больно ударившись коленом о рельсу. Третий, четвертый и пятый пути были свободны. А с шестого, коротко прогудев, тронулся пассажирский Челябинск — Кустанай.

Он помедлил секунду и побежал наискосок, перепрыгивая через шпалы. Проводники стояли на перекрытых щитками подножках, держа свернутые желтые флажки. Он зацепился за шпалу, поскользнулся, упал и, поднимаясь, увидел прилипшие к освещенным окнам лица и побежал дальше, ловя ртом воздух. Первый, второй, третий... Вагоны бежали рядом, но он видел только снег под ногами и потом поручень. Он придержал левой рукой рюкзак, подпрыгнул и правой схватился за поручень. Его ударило грудью о щиток и потащило; он схватился левой, кто-то сверху сильно рванул его за плечи, и он влетел в тамбур, головой вперед, больно ударившись коленями.

— Так и под колеса недолго попасть,— тяжело дыша, сказал Николай Виноградов. Он снял очки и вытащил платок, чтобы вытереть мгновенно вспотевший лоб.

СОВЕТСКИЕ КНИГИ ЗА РУБЕЖОМ

«...Потеряв надежду на будущее, на радость жизни, я несколько раз помышлял о самоубийстве,— пишет японский читатель Т. Р-до,— ...случайно мне попался в этот период рассказ Горького «Рождение человека». Прочитав его, я возродился. После этого Горький стал моим другом, учителем... Я прочел также «Как закалялась сталь», «Хождение по мукам», «Тихий Дон». Я так увлекся этими произведениями, что лишился сна».

«Ваши советские книги указывают нам путь, по которому мы должны идти в борьбе за мир, за свое освобождение»,— говорится в письме группы студентов Токийского университета.

В 1952 году японские издательские фирмы выпустили в переводе с русского языка более 200 художественных произведений, а за первую половину 1954 года — 146.

Этот пример не исключение. По всему миру путешествуют книги Горького, Маяковского, Островского, Шолохова, Фадеева, Гладкова, Эренбурга, Симонова, Полевого, Бубеннова, Бабаевского, Первенцева, Пановой и многих других писателей.

Известный поэт Чехословакии Станислав Нейман вспоминает, как в 1945 году в заключении, после страшных допросов и пыток, после того, как арестованные видели смерть десятков товарищей, кое-кто стал терять мужество: «Сидели сгорбленные у стены, подперев щеки ладонями. Один из них спросил: «Как вы думаете, долго еще мы останемся в живых?» И именно в эту минуту кто-то начал читать стихи:

Там
за горáми гóря
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
. . . .
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Все словно переменилось. Мы застыдились своей слабости и страха. Перестали говорить о смерти и начали говорить только о жизни. И если кто-нибудь вспоминал о доме, то не отводил уже глаз к стене. Тогда эти стихи спасли нас от самого страшного: от того, чтобы позволить себя сломить!»

Профессор Цао Цзин-хуа (Китай) пишет: «На романе Шолохова «Поднятая целина» наши сельские руководящие работники учатся бдительности, умению распознавать врага, который не смиряется со своим поражением и начинает заниматься вредительством».

В пору борьбы корейского народа за свою независимость руководитель одного из крупнейших партизанских отрядов Со Кван Бмин рассказывал о той помощи, которую оказала славным сынам Кореи книга А. Фадеева «Молодая гвардия»: «Если бы наша молодежь не прочла эту замечательную книгу, мы, может быть, не сумели бы так крепко сорганизоваться, когда наступил тяжелый для родины час, может быть, не сумели бы так скоро подметить и найти самые уязвимые, самые больные для врага места и разить его беспощадно».

«Дорогой товарищ Полевой! — пишет греческая партизанка Катина Карандениду.— Когда у нас в Греции началась народно-освободительная борьба, я в 1947 году вступила в отряды демократической армии. Я была в боях на Грамосе и Вици... Когда шли бои вблизи города Флорина, я потеряла обе ноги... До ближайшего госпиталя, куда меня доставили, было 300 километров. Товарищи думали, что я погибну... Однажды врач принес вашу книгу о настоящем человеке. Я прочитала ее и увидела, что жизнь Мересьева похожа на мою. Когда я после шести месяцев получила протезы, мне говорили товарищи, наблюдая за моими первыми шагами, что я никогда ходить не буду. Но я верила, что ходить буду, и сказала им, что через месяц с ними же буду танцевать в клубе. Я им сказала: «Почему это мог сделать Мересьев, а я не могу?» Правда, он русский и к тому же еще советский, но ведь мы боролись за одну идею — идею освобождения... И я через месяц действительно танцевала...

Все это я вам пишу потому, что вы умеете радовать людей мира, помогать им и что вы являетесь настоящим инженером человеческих душ...»

Велика любовь зарубежного читателя к книгам Бориса Полевого. Тираж их за границей достиг трех миллионов экземпляров. В этом году Полевой получил из Бразилии за «Повесть о настоящем человеке» диплом 1-й степени и Почетную медаль, присужденную бразильским клубом читателей за лучшую из лучших книг.

Советские книги, полные поэзии борьбы и труда, противостоят мутному потоку растленной литературы, фабрикуемой буржуазными борзописцами.

«Эти желтые романы отупляют трудящихся, — пишет норвежская студентка Рейдун Н—ор,— а господствующие классы заинтересованы в распространении подобной макулатуры. Характерной же чертой советской литературы является реалистическое отражение жизни и труда, она указывает им путь вперед. Произведения советских писателей волнующие, чудесные, они просты и человечны. Читать такие романы — это значит находиться непосредственно в великом советском обществе, независимо от того, где происходит действие: в маленькой деревне, на фронте или новостройке».

Француз Мишель Гирс пишет: «Роман «Далеко от Москвы» мне очень нравится. Я начинаю все лучше понимать, почему вы победили гитлеровскую армию. Я восхищаюсь такими людьми, как Батманов, Беридзе, и я знаю, что у вас много людей, подобных им».

«Я только что закончил читать роман «Жатва»,— пишет С. О—н...— Работая сварщиком в автобусных мастерских Парижа, я решил познакомить своих товарищей по работе с прекрасными книгами советских писателей».

«Дорогой Габиден Мустафин! — пишет Ральф Буасье (Австралия) казахскому писателю.— Я только что прочел «Миллионера». Эта книга вознесла меня из болота повседневной жизни на гору богов... Я не знаю вашей страны, я ничего не знаю о земледелии и еще меньше знаю, как развиваются ваши колхозы. Но если бы я был колхозником, который прочел вашу книгу, я бы захотел сделать вдвое больше того, что сделал герой романа Жомарт».

Велика тяга к советской литературе!

Вот письмо из Индии: «Молодежь нашей деревни очень стремится к чтению советских книг. По настоянию и от имени нашей молодежи я обращаюсь с просьбой к московским издательствам о регулярной высылке нам книг советских писателей. Это окажет нам большую помощь в борьбе с распространителями антикоммунистических идей, в борьбе за мир, против поджигателей новой войны. Остаюсь преданный вам, секретарь библиотеки, Южная Индия».

Только в прошлом году индийские издательские фирмы выпустили в свет более 40 произведений советских писателей. Среди них «Мать» Горького (10-е издание), «Дело Артамоновых», «Тихий Дон» Шолохова.

Читательница В. Г. Тоханали с острова Цейлон пишет:

«...Около 150 моих товарищей убедительно просили меня написать вам о том, что мы желаем приобрести интересующие нас книги советских писателей, которые помогли бы нам познакомиться с жизнью вашей страны. Мы желаем советским людям счастья и процветания вашей страны. Да здравствует мир во всем мире!..»

Непрерывно растет число советских книг, издаваемых в странах народной демократии.

Хорошо выразил отношение своих соотечественников к советской книге профессор Карлова университета в Праге Юлиус Доланский в статье «Пример советской литературы»:

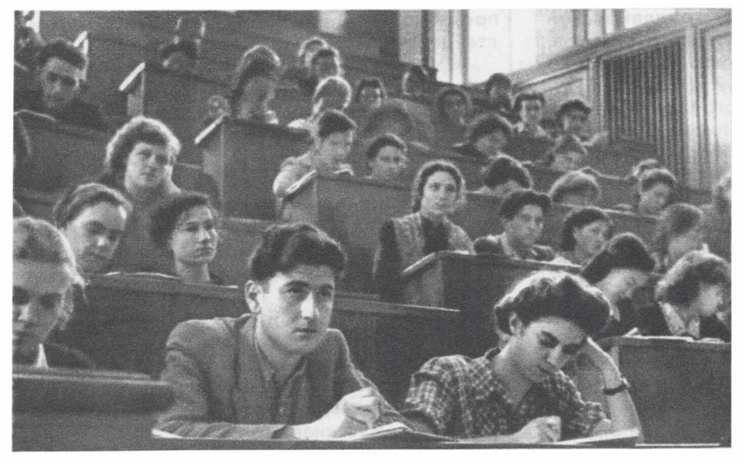
«Непосредственно по советской литературе наш народ учится сегодня, как обеспечить социалистическое строительство. Следует только вспомнить, сколько романов и рассказов, пьес и стихов вводили нас в атмосферу могущественного созидательного движения в советской промышленности, в сельском хозяйстве! Советская литература воспитывает в нашей молодежи, юном поколении героизм, мужество и самоотверженность в борьбе против врагов отечества, в борьбе за прочный мир. А что значит для нас советская литература, посвященная великому преобразованию? Об этом лучше всего могли бы рассказать тысячи и десятки тысяч наших рабочих и крестьян. Ни одна книга не читается с таким захватывающим интересом, как романы Шолохова «Поднятая целина» и «Тихий Дон», «Жатва» Николаевой, «Кавалер Золотой Звезды» Бабаевского, «Марья» Медынского».

Только за три последних года за границей издано более 7 тысяч книг советских писателей общим тиражом свыше 90 миллионов экземпляров.

Так от года к году советская литература завоевывает все большее признание за рубежами нашей Родины.

Г. ФИЛИППОВИЧ

200-й учебный год

Студенты биолого-почвенного факультета занимаются в новом корпусе.

Фото Г. Дубинского.

3 350 вчерашних десятиклассников получили новые студенческие билеты двенадцати факультетов МГУ. Это самый большой в истории университета прием.

Студенты приступили к занятиям. Неплохо провели летние месяцы старшекурсники. Многие участвовали в различных научных экспедициях. Археологи-историки вели раскопки древних курганов под Сталинградом и буддийского храма в Киргизии, изучали памятники каменного века на реке Каме.

Новый учебный год — юбилейный. Скоро наша страна будет отмечать 200-летие со дня основания Московского университета. К этой дате готовится выпуск научных трудов, юбилейных изданий, кинокартин. Будет открыта постоянная выставка по истории университета.

За годы Советской власти МГУ окончило 40 тысяч человек. Около 2 400 молодых специалистов со значками Московского университета пришли недавно на предприятия и в шахты, в колхозы и учреждения страны.

Е. ВЕЛТИСТОВ

И. Е. Репин. (1844—1930). БУРЛАКИ, ИДУЩИЕ ВБРОД. 1872 год.

Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек». 1954.

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

Летом 1868 года И. Е. Репин вместе со своим товарищем по Академии художеств К. А. Савицким совершил прогулку по Неве на пароходе. Живописные берега, прозрачный воздух, теплый солнечный день, «великолепный цветник барышень» — все восхищало художников.

Но вот группа бурлаков, тянущих бечевой барку, измученных, грязных, оборванных, заслонила сверкающие радостью картины, которыми любовались друзья. Сцена эта надолго врезалась в память Репина, потрясла его ощущением огромного социального зла — нищеты и беспросветности труда.

Два года спустя Репин едет на Волгу для работы над этюдами к задуманной им картине. Больше семидесяти этюдов, рисунков, несколько эскизов привез Репин.

В 1873 году в Академии художеств впервые была выставлена картина И. Е. Репина «Бурлаки на Волге». Это произведение принесло художнику громкую славу не только на родине, но и далеко за ее пределами. В том же году полотно было экспонировано на всемирной выставке в Вене, а в 1878 году — на всемирной выставке в Париже.

Картина эта ныне находится в Государственном Русском музее в Ленинграде. В период, когда художник работал над нею, он написал и второй вариант — «Бурлаки, идущие вброд»,— приобретенный впоследствии для Государственной Третьяковской галереи. Этот вариант и воспроизводится на вкладках журнала.

«Никогда еще горькая судьба вьючного людского скота не представала перед зрителем на холсте в такой страшной массе, в таком громадном пронзительном аккорде»,— писал В. В. Стасов.

К расцвету реалистического дарования Репина относится и самая известная его картина — «Иван Грозный и сын его Иван». По напряженности, по силе образов, запечатленных в момент наивысшего душевного потрясения, нет равной этой картине во всем мировом искусстве.

Картина волнует каждого, кто ее видит.

Безумные глаза Ивана Грозного, отчаяние и ужас, охватившие его от осознания непоправимости им же самим сделанного, дрожащая рука, которой он безуспешно старается остановить кровь, хлынувшую из виска царевича... Стекленеющие глаза юноши, тонкие пальцы, которые вот-вот разожмутся последний раз и выпустят рукав отца...

Работавший всегда с натуры, Репин и на этот раз исторические персонажи картины писал с людей, которых он близко знал (для Грозного ему позировал художник Мясоедов, для царевича Ивана — писатель Гаршин и пейзажист Менк).

В мае 1892 года Репин с семьей перебрался из Петербурга в деревню. Здесь, в Здравневе, им были написаны два портрета дочерей, один из которых, «Осенний букет», был приобретен П. М. Третьяковым для своей галереи.

Близость к природе, радость бытия в полной мере проявились в этом жизнерадостном, оптимистичном, полнокровном портрете.

А. АБРАМОВА

И. Е. Репин. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН ЕГО ИВАН 16 НОЯБРЯ 1581 года. 1885 год.
Государственная Третьяковская галерея.

И. Е. Репин. ОСЕННИЙ БУКЕТ.
1892 год.
Государственная Третьяковская галерея.

ТЫСЯЧА ЦЗИНЕЙ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рассказ

Рисунки О. Верейского.

Наступило время отлива, и вся свайная деревня стала медленно подниматься над бурой поверхностью убывающей воды.

Серые чайки с визгом носились между заплесневевшими бамбуковыми стойками, на которых возвышались соломенные хижины.

В черной тине, где копошились плоские речные крабы и полупрозрачные креветки, лежали сампаны, тяжело нагруженные тюками мокрых водорослей.

Деревня стояла в воде на деревянных ногах: курятники, свинарники, тока для обмолота риса, склады зерна — все это было поставлено на сваи.

Каждая пядь суши здесь драгоценна, так как земля эта обладает могучей плодородной силой. Даже из плотно утоптанного хребта дамбы, взломав сухую глиняную корку, выпирали толстые стволы банановых деревьев с тяжеловесной, широкой глянцевитой листвой.

Стебли тыкв, огурцов и дынь были протянуты с берега к хижинам, как зеленые веревки; на соломенных крышах вызревали плоды.

Своим внутренним убранством хижины свайной деревни походили на плавучие жилища лодочников Жемчужной реки.

Жаровня, сделанная из обожженной глины, низкая деревянная скамейка, служащая столом для еды, свернутая цыновка — постель, деревянное ведро с привязанной к ручке веревкой, свитой из тонких лиан; на стенах совки для ловли креветок и крабов, в углу весла, деревянный сундук для одежды. И только кетмень и кривой тяжелый нож для рубки сахарного тростника свидетельствовали о том, что живущие здесь люди — земледельцы.

Несмотря на февраль, зной был таким жгучим, что чернолаковая поверхность заболоченных берегов на глазах высыхала и становилась серой, как слоновая кожа.

По каналам плыли джонки. Корпуса судов не были видны. Коричневые, сплетенные из пальмовых волокон рогожные паруса, казалось, проносились над самой землей.

Магистральный канал пересекал рисовые поля деревни и замыкался шлюзом с бетонной аркой, на которой были выпуклые цифры «1950». Ниже красной краской начертаны иероглифы: «Пусть горы склонят свои вершины перед именами тех, кто погиб здесь».

На двух могильных холмах, насыпанных по обе стороны дамбы, росли персиковые деревья. Цветы и плоды их служат в Китае символом бессмертия. Деревья были так густо унизаны цветами, что издали их можно было принять за фантастически огромные кусты розовых кораллов.

Еще в Кантоне мне рассказали о битве, происходившей здесь четыре года назад.

Ночью на черных парашютах с американских самолетов были сброшены на рисовые поля диверсанты, одетые в форму бойцов Народно-освободительной армии, вооруженные ручными пулеметами и минами мощного взрывного действия. Отряд народного ополчения в это время охранял шлюз, который крестьяне построили с помощью рабочих цементного завода.

Когда парашютисты приземлились, крестьяне открыли ворота шлюза. Вода хлынула на рисовые поля. По пояс в воде, с копьями в руках ополченцы бросились на врагов. Они бились с диверсантами всю ночь.

На рассвете главарь диверсантов, весь вываляный в грязи, лежал на дамбе со связанными руками. Когда его поставили на ноги, он стал истерично кричать:

— Звери, мужичье! Вы перебили бойцов народной армии! Вы что, не видите: перед вами офицер народной армии!

Лица крестьян стали серыми, как глина, из которой делают фарфоровую посуду. Но командир отряда народного ополчения Чень Шу-шен сказал твердо и решительно:

— Вяжите мне руки и отведите вместе с ним к волостному начальнику Народной безопасности. Если мы ошиблись, виноват во всем я один, я командовал вами. А если они собаки в шкурах тигров, веревка не унизит меня.

Когда начальник Народной безопасности спросил Чень Шу-шена, почему он был убежден, что высадившиеся — враги, хотя на них была форма солдат народной армии, Чень Шу-шен сказал:

— Никогда наши солдаты не стали б стрелять в крестьян, даже бросившихся на них по ошибке с оружием. Потом, разве наши воины избрали б для военных упражнений крестьянские поля с рисовыми всходами? Даже во время войны в деревню приходили политработники и вежливо просили крестьян уступить свое поле для битвы.

Сейчас на бетонном шлюзе дежурил боец народного ополчения, и на поясе у него висел медный гонг.

Откосы глиняной дамбы были густо обсажены гранатовыми деревьями, а на утрамбованной ногами тропинке лежали горы фиолетовых бататов зимнего урожая.

На реке крестьяне ловили рыбу. Они подпрыгивали на узких, длинных плотах, сделанных из трех — четырех бамбуковых бревен, и концы бревен шумно шлепали по воде. У ног рыбаков сидели бакланы, растопырив черные крылья, и когда рыба, испуганная шумом, поднималась с илистого дна реки, птица, вытянув шею и прижав крылья, ныряла в воду. Проходило некоторое время, и баклан выплывал, держа в желтом, хищно изогнутом клюве рыбу, иногда такой величины, что рыбаку приходилось вытаскивать птицу вместе с рыбой на плот большим, плетенным из лиан сачком.

Но иногда рыба пересиливала баклана. Тогда рыбак, зажав в руке шило, нырял в реку.

Посредине реки против течения плыл тяжело нагруженный глиняной посудой сампан. Гребцами на нем были женщины. Они гребли стоя. Одна из женщин, стоявшая у рулевого весла и одетая в черную куртку и в такие же широкие черные штаны, что-то крикнула веселым и звонким голосом.

Наш спутник, председатель сельскохозяйственного кооператива этой деревни, товарищ Чень Шу-шен сердито нахмурился и повернулся спиной к реке.

И когда сампан проплыл мимо, Чень Шушен сказал:

— Моя жена кричала, что приедет домой только вечером. Она сказала, что дешево купила в рабочем поселке нечистоты для удобрения и сейчас плывет за ними. И хотя удобрения нам очень нужны, она не должна была покупать их без разрешения правления. Ее поспешный поступок достоин осуждения.— И Чень Шу-шен со вздохом добавил: — Человек, не сумевший воспитать свою жену, не может быть всадником. Но это очень старая поговорка.

С Чень Шу-шеном я познакомился еще в Кантоне на совещании передовиков сельского хозяйства. Я слушал его выступление и был удивлен тем, как этот полуграмотный крестьянин свободно обращался с множеством цифр. С непоколебимой логикой он доказывал преимущества кооперативной организации сельского хозяйства, исходя только из опыта своей деревни. Он говорил с ожесточенной решительностью, словно сидящие на совещании люди были его противниками. Но, закончив свою речь, он обернулся к президиуму и вежливо произнес:

— Я прошу прощения за то, что стоял спиной к вам, почтенные люди,— и, поклонившись, сошел с трибуны с сурово сжатыми губами.

И вот сейчас мы с Чень Шу-шеном ходили по его деревне, и он показывал свое хозяйство.

Тяжелый, густой зной висел в воздухе, и у меня было такое ощущение, словно на лицо и голову непрерывно льется расплавленный горячий воск.

Мы осмотрели рисовые поля, плантации сахарного тростника, лотосов и дынных де-

— Это верно,— согласился Чень Шу-шен. — Если б я убежал, мои родители умерли бы с голоду.

— У него была также невеста, — сказала старуха.

— Она не была моей невестой,— поспешно заявил Чень Шу-шен.

— Она стала твоей женой, значит, она была твоей невестой. Ты же всегда носил ей подарки.

— Я носил ей подарки, потому что боялся ее длинного языка. — Видя, что этот семейный спор нам непонятен, Чень Шушен сказал с застенчивой улыбкой: — Я не хочу перед вами прятать свое лицо. У нас был надсмотрщик Ли. Он обучал детей помещиков древнему искусству боя на мечах. Как-то он сильно поколотил меня за то, что я не мог сразу вытащить большого буйвола из болота. А я два дня ничего не ел и поэтому был слаб. Вечером я нес на плече деревянную поилку на скотный двор. Слышу, Ли кричит: «Поди сюда!» Я подошел. Он говорит: «Положи колоду на землю и придержи девку». Это была Юй Лань, дочь вдовы Сяо. Она всегда дерзила надсмотрщикам. Почему-то в деревне ее считали красивой, хотя она была очень тощая и маленькая. Я держал ее за руки, пока Ли искал оброненную палку.

Юй Лань кусала мои руки. Я попросил ее: «Не нужно кусать мои руки, они в навозе». «Ты сам навоз!» — крикнула она и стала бить меня ногами.

Подошел Ли с палкой и сказал: «А ну, отойди в сторону!» Я поднял колоду на плечо, но не ушел. Когда Ли взмахнул палкой, меня вдруг всего обожгло злобой. Я поднял обеими руками колоду и ударил ею Ли по голове. А колода была из пальмового дерева, тяжелая, как камень. Я отнес тело Ли в болото и бросил его в топь.

Но с тех пор я потерял землю под ногами. Каждый день я ждал, что девушка выдаст меня. Сначала я избегал ее. Потом стал искать встречи с ней где-нибудь в укромном месте и говорил с угрозой: «Не вздумай трясти языком!»

Первое время она ничего не отвечала, а потом стала насмехаться: «Чего же ты не хватаешь меня за руки, как тогда, или так перетрусил, что стал слабее своей тени?»

Как-то она очень разозлила меня, и я схватил ее за руки и сказал: «Если ты сейчас не поклянешься предками, что будешь молчать, я пришибу тебя». А она прижалась щекой к моей руке и молчит.

Но я все продумал и решил с ней больше не встречаться. Нельзя иметь жену, которая всю жизнь будет держать тебя в страхе.

И все-таки она распустила язык.

После освобождения у нас в деревне выбирали начальника народного ополчения. И она рассказала все людям. И меня выбрали тогда начальником.

Когда делили помещичьи поля, люди говорили: небо спустилось к нам на землю.

Крупные помещики успели удрать с гоминдановцами в Гонконг и на Тайвань. Те, кто не успел удрать, сначала притихли, потом ушли в банды и стали нападать на крестьян, убивать активистов, жечь посевы, травить скот.

Но их все-таки переловили. В самом большом бою я не участвовал. Это когда поймали нашего помещика Ли Шоу-наня. У меня был прострелен живот, и хотя я поправился, но ходил скрюченный и слабый.

А нужно было пахать поле. Я пахал ночью, чтобы люди не видели, как это мне трудно и как мокнут у меня брюхо и спина в тех местах, где прошла пуля.

Юй Лань стала ночью приходить на поле и помогать мне. Я думаю: ладно, пускай, все равно никто не видит. Придет время, отработаю и на ее поле.

После сева я совсем обессилел. Она пришла со своей цыновкой ко мне в дом и стала называть мою мать своей матерью. Потом, когда я поправился, пришлось занимать деньги на свадьбу...

Мать Чень Шу-шена поставила на низкую скамеечку миску с пампушками, положила перед каждым палочки для еды и, сердито глядя на сына, сказала:

— Только небо может послать такую невестку. А он недавно хотел разводиться.

— Моя мать не согласна с тем,— пояснил Чень Шу-шен,— что только в шаусинской опере влюбленные превращаются в бабочек.

Первый год, когда мы получили землю, я и Юй Лань работали, как два мула. Уходили в поле до восхода солнца, возвращались при звездах.

Юй Лань работала, не зная отдыха, и скоро она стала еще более тощей, чем была раньше. Но я даже не мог пожалеть ее. У нас не было ни тягла, ни плуга, ни поливного колеса. Мы пахали землю самодельной сохой, а воду носили из канала в деревянных ведрах. Каждую ночь я тайком, чтобы не будить Юй Лань, уходил в поле и работал один. Но потом мать сказала, что, как только я ухожу, Юй Лань встает с цыновки, берет корзину и уходит собирать на дороге навоз для удобрения.

И я думал: «Вот пришло счастье, у меня своя земля и, кажется, хорошая, работящая

ревьев, утиные загоны, пруды, где разводились зеркальные карпы. И когда Чень Шушен, наконец, сказал: «Ноги нужны путнику, а гостю — цыновка»,— я не мог с ним не согласиться.

Хижина Чень Шу-шена выглядела так же, как и все другие жилища свайной деревни. Только на стене, рядом с сачком и сетями для ловли рыбы, висела старенькая винтовка, принадлежащая Чень Шу-шену как начальнику крестьянского отряда народного ополчения.

Мать Чень Шу-шена, морщинистая старушка в черном бархатном капоре, сидя на корточках, размалывала между двух плоских камней рисовые зерна. Маленький внук ее, важно выпятив голый живот, лил из чайника воду в отверстие в верхнем камне, и белая молочная струя стекала из каменной мельницы в глиняную посудину.

Расстелив цыновку, Чень Шу-шен сказал:

— Рисовые пампушки — пища императора. Первый раз я отведал такую пампушку три года тому назад.

Потом он стал раздувать угли в жаровне, размахивая большим веером, сделанным из высушенного пальмового листа. Отворачивая лицо от дыма, он говорил:

— В сезон дождей, когда не было работы, поденщики не имели права ходить по земле помещика. Сейчас вы видите на воде хижины — у каждого есть своя хижина. Раньше на сваях стоял один большой навес, где жили батраки. Управляли нами надсмотрщики. Они были когтями и зубами помещика.

Каждый крупный помещик здесь содержал банду. Бандиты нападали на крестьян, грабили их и похищали членов семьи. Для того, чтобы выкупить похищенного, нужно было год—два даром поработать вместе с ним на земле помещика, который содержал банду.

Арендаторам помещичьей земли жилось не лучше, чем батракам. Если арендатор не платил во-время, надсмотрщик становился хозяином его жизни. Крестьянин Ли Чи в день уплаты долга прождал надсмотрщика у ворот его фанзы до ночи и, не дождавшись, ушел. А на рассвете надсмотрщик пришел в хижину Ли Чи и застрелил его за то, что тот не уплатил в срок долга.

Люди говорили: помещики, ростовщики, чиновники свирепы, как тигры, могучи, как носороги, и вечны, как черепахи. Они не боятся ни земли, ни неба.

Арендатор, не уплативший долга, имел только одно право: просить помещика взять его в рабство или продать вместо себя кого-нибудь из членов своей семьи. Вот я тоже продал сам себя помещику.

— Мой сын,— произнесла мать Чень Шушена, осторожно вынимая из кипящей воды пампушки,— мог уйти на Жемчужную реку к речным бандитам. Но он продал себя, почитая родителей.

Сказав это, старая женщина стала снова крутить плоский камень рисовой мельницы.

жена. Но мы с ней живем, как два мула, не зная ничего, кроме тяжелого труда. И я ни разу после свадьбы не держал в своих руках ее маленькие руки. Они всегда были чем-нибудь заняты. Такая трудная жизнь была у всех крестьян нашего села, хотя все они были счастливы, что получили землю.

Когда волостной председатель рассказал на митинге о группах взаимопомощи, я долго не мог уснуть в ту ночь. А утром пошел к соседям, которые тоже не спали, как я, и уговорил двенадцать семей вступить в группу взаимопомощи.

Мы стали помогать друг другу, пользовались по очереди тяглом, поливными колесами, делились лучшими семенами, обменивались опытом.

В первый же год мы получили по 730 цзиней с му за два урожая. А сев, прополку, уборку риса заканчивали каждый раз на много дней раньше, чем те крестьяне, которые не вошли в группу взаимопомощи.

Во время зимних дождей я был на курсах бригадиров групп взаимопомощи и там узнал много полезного.

Мы стали применять советский способ посадки риса. Раньше в каждую лунку клали 12 зерен и расстояние между лунками было 8 цунов. Теперь мы стали класть в каждую лунку 7 зерен, а расстояние сократили до 6 цунов.

Мы завели семенной участок, отбирали зерна для посева, бросая их перед севом в соленую воду, и плохие семена всплывали. В 1952 году мы сняли при двух урожаях уже по 800 цзиней с му, а в 1953 году — по 1 008 цзиней. Вот почему наша деревня теперь называется «Тысяча цзиней», а не как раньше — «Селение болотных нищих».

Коллективный труд облегчил работу в поле, и мы смогли выделить бригаду для подсобного промысла. Мы стали разводить кур и уток, откармливая их речными улитками и мелкими крабами. В 1953 году мы заработали на одних утках 21 миллион юаней.

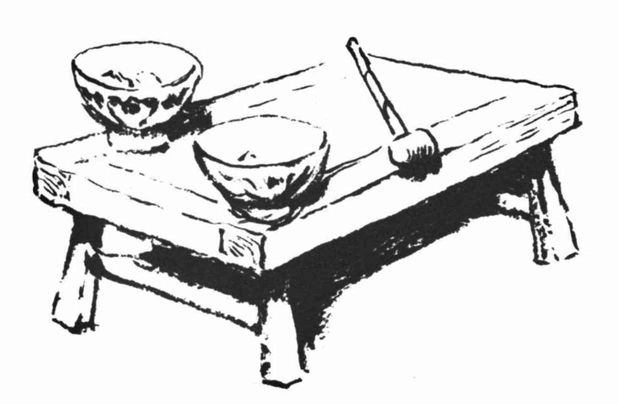
Я забыл вам сказать, что мы стали разводить также свиней.

Но жизнь человека подобна идущему на гору: чем он выше поднимается, чем больше открывается его глазам, тем скорее ему хочется достичь вершины.

У меня в доме лежали три ватных одеяла, а в деревянном сундуке — доверху одежда.

Я хотел, чтобы моя Юй Лань стала полной, красивой женщиной, надевала по воскресеньям яркий халат и ходила на курсы, где учат грамоте. Но ею овладел злой дух богатства. На нашем поле был заболоченный участок, и она захотела выкопать пруд, чтобы разводить рыб. Мы копали с ней этот пруд после полевых работ. От нас воняло илом, как от водяных крыс. Я был бригадиром, активистом села, и мне хотелось приобретать знания, заниматься в кружках. Вместо этого я по ночам черпал грязь из черной ямы и на следующий день еле таскал ноги, хотя мне нужно было много ходить, чтобы успеть проверить работу людей на совместно обрабатываемых полях.

Я давно заметил, что многие старательнее работают на своем поле, чем на поле соседа. Владелец буйвола не так глубоко пашет землю на поле своего соседа, как на своем. Мы критиковали таких людей на общих собраниях и отмечали почетом тех, кто работал на чужой земле так же хорошо, как на своей. Но я твердо решил добиться, чтобы люди, объединив свои земли, создали производственный кооператив.

Для этого мне нужно было начать с себя. Я купил в лавке два ляна засахаренных почек лотоса и костяные шпильки, украшающие волосы женщины, и вечером все это отдал жене. Потом я держал ее руки в своих руках и говорил о том, как я хочу, чтобы она была полной, красивой и чтобы у нас было много детей, и как нехорошо, когда у нас в бригаде люди ссорятся, когда не все в полную силу работают на земле соседа. Она прижалась своей щекой к моей руке и сказала шепотом: «Ты не беспокойся. Если продадим рис перекупщикам, у нас будет много денег, и мы сможем купить буйвола и будем сами пахать землю, без помощи соседей».

Я оттолкнул ее от себя и сказал: «Ты скверная женщина, и я не пойду с тобой по кривой и грязной дороге».

Она долго плакала, лежа на цыновке лицом вниз. А я раскладывал на полу хижины наше имущество на две равные кучи. Потом, когда мы разделили имущество и я сложил свою долю на тачку, жена спросила меня: «Почему, когда ты уговаривал соседей вступить в группу взаимопомощи, ты не ругал тех, которые были с тобой не согласны? Ты со всеми говорил почтительно, а меня бьешь словами, как бьют палкой ослицу, которая принадлежит соседу. Ты так говоришь со мной потому, что я твоя жена! Но сейчас ты не считаешь меня своей женой и я не считаю тебя своим мужем. Но ты бригадир нашей группы взаимопомощи, и ты должен найти для меня вежливые слова. Я не желаю больше знать тебя как мужа, но послушаю как бригадира».

И я вынужден был сесть на тачку и рассказать своей жене, натянув на лицо почтительную улыбку, все, что я думал о производственном кооперативе. Она слушала меня внимательно и задавала вопросы, на которые я отвечал как бригадир вдумчиво, спокойно и почтительно.

Потом жена сказала: «Хотя твои зубы все время стучали, как камни, я все поняла. Это будет очень хорошо, когда мы объединим свои земли, у нас будет не только большой урожай. У крестьянина сердце в земле, и мы с землей соединим свои сердца, и больше не будет у нас ссор в бригаде, потому что все будут с одинаковым старанием работать на общей земле».

Мы сидели с ней на тачке, и я снова держал ее руки в своих руках и говорил, что рот ее пахнет вишневым цветком.

Но на общем собрании жена покрыла меня до бровей грязью. Она сказала, что согласна объединить поля, но пруд не отдаст.

Я взял сампан и поехал с ней на озеро будто для того, чтобы надрать водорослей для удобрения. Когда мы были на середине озера, я спросил ее: «Ты знаешь, кто эксплуататор?» Она сказала: «Это помещики, ростовщики, чанкайшисты и американцы». «Теперь скажи мне, чьи утки плавают на нашем пруду?» Жена ничего мне не ответила. Но я сказал ей сурово: «Это общественные утки, и наша рыба питается их пометом, а доход от рыбы мы берем себе,— значит, мы эксплуататоры. И я предпочитаю лежать на дне озера, чем услышать от людей, что я эксплуататор».

Я стал снимать с себя куртку. Жена схватила меня за ноги. Я брал у нее одну клятву за другой. И она клялась мне учиться по вечерам в кружке грамотности и больше не возить тайком на рынок овощи, а продавать их здесь представителю сбытового кооператива.

Рассеянно постукивая палочками для еды по краю фарфоровой пиалы, Чень Шу-шен со вздохом произнес:

— Конечно, недостойно мужчины пугать женщину, потому что она не хочет идти в кооператив. Но когда я ночью, просыпаясь, смотрел на Юй Лань, лежащую со мной рядом на цыновке, и рассматривал при свете луны ее усталое лицо, и трогал ее маленькие ладони, покрытые твердыми, как камни, мозолями, мне хотелось прижаться лицом к этим ладоням и дышать на них...

Сейчас 26 семей вступили в производственный кооператив, и мы соберем после первых двух урожаев по 1 150 цзиней риса. Мы посадили тысячу дынных и пятьсот банановых деревьев. 10 му отвели под огороды. Купили пять буйволов и четыре железных плуга.

Говоря это, Чень Шу-шен попеременно загибал пальцы на левой руке и торжествующе улыбался.

Вдруг мы услышали торопливый стук деревянных подошв, и, отогнув цыновку, повешенную над входом, к нам вошла молодая женщина с веслом в руках, и по тому, как на нее посмотрел Чень Шушен, мы поняли, что это была Юй Лань.

Тонкая, гибкая, невысокого роста, в черной просторной куртке, она поклонилась и, скромно потупив глаза, подошла к жаровне и села возле нее на корточки.

Чень Шу-шен продолжал рассказывать о том, какие преимущества дает производственный кооператив крестьянам, и невольно он опять стал говорить тем решительным, суровым тоном, каким говорил на совещании в Кантоне.

Юй Лань, взяв в руку веер из сушеного пальмового листа, раздувала огонь в жаровне.

Ее маленькое округлое лицо с изогнутыми к вискам тонкими бровями и нежнорозовыми, как две апельсиновые дольки, полными

губами, было озабочено. Но когда она временами поднимала опущенные веки, бросая быстрые, пытливые взгляды на Чень Шу-шена, в живом блеске ее черных светящихся глаз было столько ласковой нежности и любви...

А Чень Шу-шен, коренастый, жилистый, с сильной короткой шеей и маленькими пронзительными глазками, говорил яростно и вдохновенно:

— На следующий год мы посадим каучуковые деревья и померанцевую траву — масло ее высоко ценится. Мы сможем покупать химические удобрения и тогда будем брать по три урожая риса в год.

Юй Лань, положив веер на колени, чуть склонившись, напряженно слушала Чень Шушена. Ее смуглые щеки стали розовыми от волнения. Она машинально теребила веревочную кисть на ручке веера, а с ее тонкой и нежной шеи свешивалось ожерелье, сделанное из простой медной проволоки.

Вечером мы отплыли на катере от деревни «Тысяча цзиней».

Когда катер пересекал озеро, примыкающее к рисовым полям, мы увидели на нем множество сампанов. Люди на сампанах погружали в воду длинные бамбуковые шесты, вращали их, потом резким движением выдирали на поверхность накрученные на шесты темнозеленые водоросли.

Капитан катера объяснил:

— В деревне «Тысяча цзиней» хороший председатель кооператива. Это он надумал собирать водоросли для удобрения и на корм скоту.— Потом капитан показал рукой на возвышающиеся на сваях цилиндрические башни, обшитые желтыми цыновками, и задумчиво произнес: — Двадцать лет я плаваю, но только три года назад впервые увидел такие башни. Это зернохранилища. Пять лет тому назад здесь в зимние месяцы умирали от голода 15—20 человек в день. Я возил сюда зимой старшинок. Они очень дешево покупали тут людей для владельцев плантаций сахарного тростника.

На одном из сампанов я узнал председателя Чень Шу-шена. Коренастый, широкоплечий, он короткими могучими рывками выдирал со дна озера огромные пучки водорослей и сбрасывал на дно лодки. Спиной к нему стояла тоненькая, в черной одежде и с белым цветком в волосах Юй Лань.

Повидимому, она слишком много накрутила на шесты водорослей и не могла их вытащить. Чень Шу-шен положил свои шесты поперек сампана, протянул из-за спины жены руки, перехватил ее шесты и легко выдернул их на поверхность. Лодка при этом покачнулась; Юй Лань успела ухватиться за плечо мужа, и мы увидели, как она прижалась лицом к его рукам, и услышали впервые голос Юй Лань, нежный и звонкий голос.

— Что она сказала? — спросил я капитана.

Капитан снял клеенчатую фуражку, обмахнул ею лицо и произнес нараспев, словно стихотворную строфу:

— Она сказала, что во рту у нее стало сладко, когда она своей щекой коснулась его щеки.— Капитан сощурился, улыбнулся всем своим задубленным на ветру лицом и поспешно пояснил: — Простите, я позволил себе шутку. Это слова из одной древней китайской оперы. — И, еще раз извинившись, он ушел к себе в рубку, так как мы входили в канал.

Скоро мы уже плыли по Жемчужной реке и через два часа увидели огни Кантона.

МАТЬ И СЫН

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунки П. Пинкисевича.

Все началось с письма — мать жаловалась на сына, который плохо к ней относится, жаловалась она и на школу, которая, по ее словам, не помогает ей воспитывать сына. А проверка этого письма выявила нечто иное и дала мне интереснейшую тему — об умении родителей тонко понимать своих детей и о том, как отсутствие этого умения ранит маленького человека. И не только ранит, но и может помешать ему хорошо вступить в жизнь, если этот маленький человек не окажется таким, как герой моего рассказа...

1

Портрет отца висел в его бывшем кабинете, теперь ставшем комнатой Виктора. Отец был сфотографирован на безвестном аэродроме войны. В унтах, в меховом комбинезоне, похожий на медведя, он стоял у крыла истребителя и, сняв шлем, смотрел в небо. Вероятно, он только что вернулся из полета: слипшиеся под шлемом волосы вздернулись на ветру черным крылом.

Витя отца почему-то помнит плохо. «Большой такой был, — говорит он теперь и, подумав, добавляет: — И веселый. Очень веселый». Еще за год до войны — тогда Вите было всего четыре года — отец получил назначение в Харьков. Уехал он туда один: мать, Елена Архиповна, не захотела терять московскую квартиру, и она надеялась, что оставление семьи в Москве поможет мужу добиться возвращения в подмосковную часть. Она так дорожила московской квартирой, что осенью сорок первого года категорически отказалась эвакуироваться, и всю войну Витя с матерью прожили в Москве. До войны отец приезжал из Харькова два раза и с войны — один раз, за месяц до гибели. «Словно попрощаться приезжал»,— говорит теперь Витя, и глаза его при этом становятся неподвижными, отрешенными.

Зато во всех подробностях Витя помнит историю этой отцовской фотографии.... Прошло примерно полгода после гибели отца. В то время Витя увлеченно готовился к поступлению в школу. В его возрасте дети не ощущают тяжести большого горя: им ежечасно открывается в жизни так много удивительного и радостного! Словом, Витя не понимал, почему мама так часто плакала. В те дни откуда-то с фронта доставили посылочку. Из маленького ящичка мама вынула отцовскую записную книжку, пачку ее писем к отцу на фронт и аккуратно завернутый в серебряную бумагу кусочек фотопленки. Вместе с мамой Витя ходил в фотографию. Там какой-то старичок, поднеся пленку к лампе, долго ее разглядывал и потом сказал непонятную фразу: «Сделать можно, но будет видна крупа»... Через несколько дней они снова пошли в фотографию, и тот же старичок показал им застекленную огромную фотокарточку. Витя сразу узнал отца и гордо сказал:

— Это наш папа. А где же у него крупа?

Мама заплакала, а старичок посадил Витю к себе на колени и, тревожно посматривая на маму, начал объяснять, что на пленке, если она плохо обработана, остаются почти не видимые глазом точечки, которые на увеличенном снимке делаются похожими на белую крупу.

— А я думал, это снег идет, — с сожалением сказал Витя.

Портрет повесили над письменным столом. Сбоку мама прикрепила к нему черную ленту...

То, что его отец — герой, погибший за Родину, Витя по-настоящему впервые понял только в школе. На первом же уроке учительница Ирина Павловна, с доброй улыбкой оглядев притихший класс, сказала:

— Ну вот, ребята, и образовалась ваша дружная школьная семья. Вы скоро сами хорошо узнаете друг друга и выберете себе товарищей для настоящей дружбы на все десять школьных лет. Ваши отцы и матери — славные советские люди, которые сейчас все силы отдают на борьбу с врагом. Одни воюют на фронте, другие трудятся для фронта в тылу. Но есть среди вас ребята, отцы которых погибли на войне. Я хочу, чтобы вы с первого же школьного дня знали этих ребят, любили их и заботились о них. Вот, например, Коля Астахов. Встань, Коля...

На самой задней парте поднялся худощавый мальчик с крупной, наголо остриженной головой. Он стоял, опустив глаза.

— Его отец, — торжественно сказала Ирина Павловна, — погиб при обороне нашей родной Москвы. Садись, Коля. А вот Витя Бессонов...— Витя встал, взволнованно смотря на учительницу. Какое-то совершенно новое для него, одновременно и приятное и пугающее чувство вызвало сильный стук сердца, а в горле сразу запершило... — Витин отец был летчиком, Героем Советского Союза и погиб совсем недавно в Сталинграде...

Десятки глаз впились в Витю со всех сторон. Он стиснул руками крышку парты, боясь заплакать, но в это время учительница уже назвала новую фамилию, и Витя сел.

На переменке все ребята сбились вокруг Вити. Пробрался к нему и Коля Астахов. С этого дня началась дружба Вити с Колей, дружба, которая через семь лет породила одно из самых тяжелых переживаний Вити за всю его маленькую жизнь: после седьмого класса Коля Астахов ушел учиться в техникум. Витя остался без друга, завести же нового он не смог...

Взявшись за руки, Коля и Витя вышли из школы. Навстречу им по усыпанной желтыми листьями асфальтовой дорожке бежала витина мама:

— Ой, дорогой мой сынулька, я чуть не опоздала за тобой!

— А зачем ты пришла? — сурово спросил Витя, не выпуская колиной руки и отстраняясь от матери: ему было стыдно, что она на виду у всех обнимает его. Дома, когда мать стала размешивать масло в манной каше, приготовленной для Вити, он молча отвел ее руку, пододвинул к себе тарелку и стал размешивать сам. Мать смотрела на него с удивлением и тревогой, но вряд ли она понимала, что у сына рождается характер.

Витя очень любил свою мать, но уже вот в этот первый его школьный год он начал проявлять к ней этакое, тогда еще, конечно, не осознанное, мужское покровительство, а иногда и неприкрытую снисходительность. Сперва ее это смешило, но вскоре начало пугать: она видела, как мальчик постепенно выходит из-под ее материнского влияния.

— Витя, почему ты не надел калоши?

Ответ уже от дверей:

— Я не больной...

Или:

— Витя, почему ты не сказал мне, что получил двойку?

Ответ, — не отрываясь от книги:

— А что тебе говорить? Не ты же будешь исправлять эту двойку!

Елена Архиповна растерялась... Она была в общем ограниченным человеком. Но главное было в другом: потеряв мужа, она неправильно построила свою собственную жизнь. Большая пенсия позволяла ей не работать. Впрочем, работы она просто боялась. До замужества она была официанткой в столовой, и у нее навсегда создалось впечатление, что работа пахнет борщом, что работа — это значит с утра до вечера дышать кухонным чадом и таскать тяжеленные подносы. Теперь она вела праздную жизнь, в которой главными событиями были примерка нового платья, или заказ модельных туфель, или болтовня с такой же, как она, подругой. И воспитание сына в конце концов сводилось у нее к заботам сшить ему, как она говорила, «элегантскую» курточку или устроить его в пионерский лагерь — «не в тот, где все, кто угодно, а где приличные дети». Однажды произошло событие, которое разозлило Елену Архиповну. Она взяла домработницу и вдруг обнаружила, что мальчик привязался к этой чужой женщине, делился с ней всеми своими радостями и печалями, во всем слушался ее. Глупо приревновав Витю к домработнице, она решила ее уволить, но случайно наткнулась на более верный способ вернуть влияние на сына...

2

Ссора разгорелась, как всегда, из-за сущего пустяка. Елена Архиповна решила вечером идти в гости и взять с собой Витю. А он идти отказался. Как раз на один этот вечер Коля Астахов дал ему книжку про сыщиков.

— Нет, ты пойдешь! — истерически крикнула Елена Архиповна.

— Нет, я не пойду, — тихо сказал Витя, глядя на мать с доброй, снисходительной улыбкой.

Елену Архиповну взорвало.

— Ты что скалишь зубы на родную мать? — пронзительно завизжала она, затопала ногами. — Ты хулиган! Тебе ничего не дорого! Боже мой! Если бы отец увидел, как ты ко мне относишься, он выгнал бы тебя из дому. Меня не любишь, так постыдился бы хоть погибшего отца! — Закрыв лицо руками, она убежала в свою комнату.

Несколько минут Витя сидел неподвижно, потрясенный происшедшим, затем встал и пошел к матери. Сдержанно ласкаясь к ней, он попросил прощения и сказал, что пойдет с ней в гости...

Елена Архиповна прекрасно поняла, чем она победила сына. Теперь она без устали рассказывала ему об отце: какой он был умный, храбрый и как он ее любил. Последнее подчеркивалось неизменно: «Тысячу раз он говорил мне, что я самое большое его счастье...» Елена Архиповна отобрала несколько фронтовых писем мужа, в которых упоминалось о сыне, переплела каждое письмо отдельно в кожаный переплет и подарила Вите. Эти письма он вскоре знал наизусть. Нежность, с какой отец обращался к матери, ощущалась Витей как укор ему за все, что не нравилось в нем матери. Мальчик изменился буквально на глазах. Мать была счастлива.

— Во всем, во всем, Витенька, — говорила она, — ты должен быть таким, как отец. Такой же сильный, храбрый, добрый. И меня ты должен любить, как он. Я же осталась совсем одна. И если ты, Витюшок, не будешь меня любить, заботиться обо мне, кто же тогда это сделает? Кто поможет мне жить одной?..

Так разбуженная в сердце мальчика любовь к погибшему отцу слилась с его по-новому возникшей любовью к матери. Вите стало казаться, что сам отец поручил ему любовь и заботу о матери. Прежде чем лечь в постель, он подходил к портрету отца и шептал: «Ты не бойся за маму. Я очень ее люблю и все для нее сделаю. И мы живем очень хорошо...» Отец на фотографии смотрел в небо — будто слушал Витю и не верил. И тогда мальчик припоминал весь прожитый день, придирчиво проверяя все свое поведение дома...

3

Третьего мая 1953 года Вите исполнилось семнадцать лет. В этот день мать вручила ему два подарка — один от себя, а другой как будто от отца. От отца — велосипед, великолепную, сверкающую никелем и лаком гоночную машину, о какой он давно мечтал. А вот подарок матери его удивил. Это была сберегательная книжка.

— Ты стал совершеннолетним, и я решила пенсию отца перевести на твое имя. Вот сберкнижка. Теперь на нее каждый месяц будет перечисляться пенсия за папу.

— Зачем это? — Витя действительно не мог понять этой затеи.

— Как зачем? Это будут твои деньги.

— А на что же мы будем жить?

— Не волнуйся, как-нибудь проживем, — непонятно улыбнувшись, сказала мать...

Тогда Витя, конечно, не знал, что эта сберкнижка была попыткой матери задобрить его ребячью душу, чтобы был он покладистей к ситуации, которая неотвратимо надвигалась.

Шестнадцатого мая — Витя запомнил этот день на всю жизнь — он вернулся из школы раньше времени. Войдя в свою комнату, он остановился, пораженный тем, что увидел. Мать, взгромоздясь на стол, снимала со стены портрет отца. Потом она слезла со стола, завернула портрет в газету, взяла со стола отцовские письма и тут только увидела сына. Страх и стыд отразились на ее лице. Молча, не подняв взгляда на сына, она вышла из комнаты. Витя продолжал стоять в дверях. Что произошло, он еще не понимал, но безотчетная тревога уже сжала до боли его сердце.

Витя сел к столу и уставился на пятно, оставшееся на стене после портрета. Пятно сверху вниз пересекала жирная паутина, которая противно шевелилась, точно живая. Витя смахнул паутину. Хотел взяться за уроки, разложил перед собой книги, но заниматься так и не смог. Незаметно нахлынули сумерки, а он все сидел за столом и смотрел на пятно.

Вошла мать. Она взяла стул и села рядом с Витей. Он хотел было зажечь настольную лампу, но она перехватила его руку.

— Не надо, Виктор. Поговорим так...— После долгой паузы она заговорила каким-то странным, совершенно чужим голосом: — Ты, Виктор, уже взрослый парень. С тобой можно говорить обо всем. Я свой долг выполнила — вырастила тебя. Вон какой ты уже... — Она хотела провести рукой по вьющимся волосам Вити, но он от этой ласки увернулся.— А я ведь не такая уж старенькая. Верно? — Витя молчал, окаменев в ожидании чего-то очень страшного и неожиданного.— Я, Витя, выхожу замуж. Ты его знаешь. Это дядя Валера. Он хороший человек. Верно?

— Не знаю, не знаю, — глухо произнес Виктор. Это слово, бездумно произнесенное, потом привязалось к нему, будто ничего, кроме этого слова, он сказать не мог.

— Да и тебе будет полезно, что в доме у нас будет мужчина. Вы, мужчины, всегда найдете общий язык.

— Не знаю, не знаю...

— Ну, что ты не знаешь? Разве ты не хочешь мне счастья?

— Не знаю... — Витя невольно посмотрел на пятно.

— А портрет, Витенька, не надо, — вкрадчиво сказала мать. — В доме будет другой мужчина. Мой муж. Твой отчим. Я надеюсь, что вы будете дружить. Мы повесим другие портреты. Я уже давно хочу сделать твое фото в красках. Хочешь?

— Не знаю...

— Затвердил, как попугай: «Не знаю, не знаю!» — Елена Архиповна начинала раздражаться.— А что тут не знать? Что? — Она както странно засмеялась, точно прошипела. — Я шла к тебе не только как к сыну, но и как к самому большому своему другу... А ты!..— всхлипнув, она резко встала и быстро вышла из комнаты.

4

Я решил сходить в школу, в которой учился Витя Бессонов. Когда я шел туда, я еще не знал ничего, о чем рассказано выше. Все я узнал позже, когда поговорил с Витей и встретился с Еленой Архиповной.

И вот я в кабинете директора школы. Это еще совсем молодой человек. Курит трубку неумело, она то и дело гаснет. В течение всего разговора он то раскуривает, то чистит ее. Вообще он напускает на себя важность, но это плохо ему удается. При разговоре присутствует руководительница класса, в котором учится Витя, — пожилая женщина с усталыми глазами.

— Ольга Ивановна, — обращается к ней директор, — я пригласил вас потому, что речь идет, по существу, о вашем ученике десятом «А». Товарища интересует ваш ученик Виктор Бессонов. Я думаю, с вас мы и начнем. Ваше слово...

Учительница вынимает из сумочки простенькие, железные очки и привычным движением вскидывает их на нос. Видимые сквозь стекла ее глаза вдруг становятся острыми и пристальными.

— Сначала об успеваемости, — говорит она тихим и ровным голосом. — Ну, что ж тут сказать? Витя Бессонов — наша гордость. В прошлом году, в девятом классе, у него была только одна четверка, остальные — все пятерки. В этом году — одни пятерки. Он уверенно идет на золотую медаль. Мальчик с цельным и сильным характером. Немножко упрямый.

— Чересчур упрямый, — усмехаясь, вставляет директор.

— Вы имеете в виду его поведение в семье? — спрашивает Ольга Ивановна.

— Именно. Но к этому вопросу мы вернемся позже. Продолжайте по существу вопроса.

— Поведение Вити отличное. Но, правда, последние полтора года он какой-то мрачный, подавленный. У меня по этому поводу есть

свое мнение...— Ольга Ивановна смотрит на директора.

— Вы свое мнение изложите потом,— говорит директор.— Но чтобы в самом начале не запутать дела, я вкратце остановлюсь на этом...— Директор пыхает погасшей трубкой и начинает сердито ее раскуривать...— Так вот. В семье Бессонова произошла, по существу, обычная житейская история. Мать мальчика вышла замуж. Сперва мальчик отнесся к этому в общем нормально, но месяца через три его будто подменили, и он занял в семье, по существу, ошибочную позицию. Не разговаривает с отчимом. Не разговаривает с матерью и всячески третирует ее. Дома только ночует. И мать ничего не может с ним сделать. Обращалась за помощью к нашим комсомольцам. Дважды обращалась: в прошлом году и в этом. В первый раз Виктору Бессонову за неправильное поведение в семье поставили на вид. А нынче объявили выговор. Он и на бюро вел себя, по существу, неправильно. Но и после этого его поведение дома не изменилось...

Из кабинета директора мы выходим вместе с Ольгой Ивановной. Прощаясь, она говорит мне:

— Вам обязательно надо поговорить с самим мальчиком. Дело это совсем не такое простое, как думает наш директор. Очень прошу вас, поговорите с Витей.

— Он в школе?

— Нет. Уроки уже окончились. Значит, он сейчас в читальном зале...— Ольга Ивановна сообщает мне адрес.

Решил, не откладывая, сходить по этому адресу...

Тесный читальный зал небольшой библиотеки. Тишина. Осторожный шепот да шелест книжных страниц. Обращаюсь к девушке, выдающей книги:

— Посоветуйте мне, как найти в зале одного мальчика. Его фамилия — Бессонов.

— Витю? — девушка улыбнулась.— Проще простого. Идемте...— Она провела меня в комнату, перегороженную от пола до потолка книжными полками. В конце узкого коридора, между стеллажами, у окна стоял маленький столик, за которым сидел курчавоголовый юноша. Это и был Витя Бессонов. Девушка ушла, оставив нас вдвоем. Витя стоял и выжидательно смотрел на меня.

— Садись,— сказал я ему и сам присел на подоконник: — Что ты тут поделываешь?

— Вам, наверное, жаловалась на меня мама? — с недоброй усмешкой спросил Витя.

Он очень красивый паренек. Черные вьющиеся волосы. Черные крупные глаза в густой опуши ресниц. Прямой, чуть вздернутый нос. Одет плохо — в старое и не по росту. Немного стесняется этого: то и дело тщетно оттягивает рукава заношенного до блеска пиджачка. На столике перед ним стопка книг. Отдельно сбоку лежит учебник по аэродинамике. На подоконнике стоит пластмассовая коробочка с котлетой и картофельным пюре.

— Из дому приносишь? — спросил я, показав на котлету.

— Нет...— Витя покраснел.— Это библиотекарши мне приносят. Я возражаю, а они все равно приносят. Они вообще меня балуют... Вот отдельный стол мне дали...

— Я вижу, ты увлекаешься аэродинамикой?

— Так... читаю. Я решил учиться в авиационном институте.

Так постепенно начался наш разговор. Мальчик, видимо, почувствовал мою к нему симпатию и стал держаться свободней. И вдруг он спросил:

— Вам понравилась моя мама?

Как ответить на этот вопрос? Пока обдумываю ответ, Витя в упор смотрит на меня. Отвечаю твердо:

— Нет. Не понравилась.

— По-моему, она просто неумная,— в раздумье сказал Витя.— А вообще-то она хорошая, добрая... вот только неумная.

— Но разве это дает тебе право плохо к ней относиться?

— Она сказала вам неправду. Она просто не понимает, что происходит. Я ее люблю... жалею... но я вижу, как она нехорошо живет, и не могу это скрывать.

— Ты что же, решил, что она не имеет права выйти замуж?

— Нет. Совсем не то...— Витя помолчал, потом пытливо взглянул на меня и вдруг начал взволнованно рассказывать то, что вы, читатель, уже знаете.

Рассказ окончен. Потрясенный им, я долго молчал, почему-то боясь посмотреть на Витю.

— Ну, а кто же он, этот дядя Валера?

— Точно не знаю. Кажется, заведует аптекой.

— Ну и что же? Почему ты говоришь о нем с таким презрением? Ведь у большинства ребят отцы не герои-летчики.

Витя помолчал, смотря мимо меня в окно, потом сказал:

— Три месяца я присматривался... думал... надеялся. Но однажды он забыл на столе свой партийный билет. Он платит в партию с девятисот рублей в месяц. А у него всегда полны карманы денег. Он недавно «Победу» купил. Каменную дачу строит. Он жулик, вот кто он! Я сказал об этом маме. А она...— Витя махнул рукой и замолчал.

— А пенсия идет попрежнему тебе?

— Да.

— Куда же ты тратишь такие большие деньги?

Витя молча вынул из кармана и протянул мне сберкнижку. На внутренней стороне обложки была приклеена маленькая фотография отца. Перелистываю странички — все пенсионные переводы за полтора года в нетронутом виде. Даже рубля не взято.

— Копишь про черный день?

— Нет. У меня черного дня не будет. Она ведь лет на десять постарше своего аптекаря. Вот увидите, он ее бросит. Он же недаром в загс идти не хочет. Мне же придется потом заботиться о ней. Вот тогда я и отдам ей эту сберкнижку. Пусть тогда подумает, что произошло...

— Ты все это рассказывал своим школьным комсомольцам?

— Нет. Там это было лишнее. На повестке семь вопросов. Мой — восьмой. Все куда-то торопятся. Я, когда шел, хотел все рассказать, а тут вижу, не надо. Дошли до меня: «Чего дома хулиганишь? Мы же предупреждали тебя? В школе образцовый, а дома отсталый элемент!» А мать, знаете, на что им нажаловалась? Она свой день рождения праздновала. Назвала полный дом гостей, и среди них много людей, которые знали моего папу. Даже один летчик, его товарищ, пришел. Я ее понимаю: она хотела похвастаться, как она хорошо живет... муж, мол, и все прочее. А я взял и ушел из дому. Не мог я видеть, как она хвастается своим жуликом. Что ж, по-вашему, я должен был все это рассказать на комитете? Да еще когда им всем некогда? У них уже и резолюция приготовлена. Им главное — записать. Вот я им и наговорил всякого. Зря, конечно. Вот они мне выговор и записали..:

Я смотрел на Витю и думал: «Что же получается? Отца у него нет. Мать оказалась воспитательницей плохой. Комсомольцы отнеслись к нему формально, несправедливо. Не проявила к нему должной чуткости и школа. Но кто же тогда воспитал этот сильный характер?» Задаю Вите осторожные наводящие вопросы. Отвечает односложно: да, нет. Но вот спрашиваю: «А пионером ты был хорошим?» Витя улыбнулся и ответил:

— Не сразу. Сначала мне было все как-то смешно. Вожатый прозвал меня «смеялка». А потом получилось так... Приехал к нам на сбор летчик, Герой Советского Союза. Мы еще не знали, кто он и что он, и, пока не начался сбор, разглядывали его со всех сторон. А я думал: вот такой был и мой папа. Начался сбор, дают летчику слово, и оказывается, что он учился в нашей школе, был тут пионером и комсомольцем. Он говорил, стоя возле стола, а за его спиной стояло наше пионерское знамя. И вот летчик поворачивается к нему и говорит: «Под этим знаменем я в свое время давал пионерскую клятву». И тогда он взял рукой материю знамени и поцеловал его. У всех ребят прямо дух захватило, а я чуть не заплакал, сам не знаю, отчего. И тогда я сказал себе: буду самым лучшим пионером и тоже сдержу клятву...— Витя помолчал и добавил: — Но я, конечно, еще не могу сказать, что сдержал клятву...

Пионерский вожатый! Пусть то, что ты прочитал сейчас, поможет тебе проверить себя: сделал ли ты для своих пионеров что-нибудь похожее на то, что так потрясло Витю Бессонова и что он не забыл до сих пор?

Затем у нас пошел разговор о комсомоле. И первая же фраза Вити меня несколько удивила, я даже заподозрил своего собеседника в неискренности. Он сказал так: «Комсомол в моей жизни, конечно, самое большое...»

— Но ведь комсомольцы твоей школы тебе не помогли и даже обидели тебя?

— Нет. Я на них не обижен,— твердо и искренне произнес Витя.— Разозлился я тогда — это да, но я не помню обиды. Ребята заморочены всякими заседаниями. Я сам в прошлом году был в комитете, знаю, что это такое. Все мероприятия разные, мы вот полгода не могли провести диспут о любимых героях, все затирало нас другими делами. Наконец провели.

— Что это за диспут?

— О! Это было очень интересно! — оживился Витя.— Семь наших комсомольцев сделали сообщения о разных любимых героях из книг. Я как раз докладывал про Павку Корчагина. А потом пошел разговор о наших ребятах: кто как учится, какая у него во всем сознательность, ну, там, про поведение, про отношение к старшим. В общем, про все. Так здорово получилось! Потом целый год все помнили про это, и чуть что — опять споры поднимались...

Зашел у нас с Витей разговор о прочитанных им книгах. Он читал очень много. Самые любимые книги: «Молодая гвардия», «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке». Понравился ему роман «Высота»: «Хорошо показано, как ломает в себе все плохое смелый верхолаз Пасечник». Назвал он и несколько книг, которые ему не понравились: «Все там правильно, а жить не учат...»

Итак, ясно: характер Вити Бессонова сформировался не в безвоздушном пространстве. Это произошло в школе, в пионерском отряде, в комсомоле и в домашней тишине, когда читал он любимые книги... Думая об этом, я молчал, не замечая, как напряженно смотрел на меня Витя. И вдруг он спросил:

— Вы что же, писать про меня будете?

— Еще не знаю.

— Это ваше, конечно, дело. Про меня пишите. Мне что! А вот каково будет маме, когда напечатают? Я очень прошу вас, не надо про маму. Очень прошу.

— Об этом ты не беспокойся. Можно так сделать — никто не узнает, что это про нее и про тебя...

Так я и сделал.

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Гроссмейстер М. **ТАЙМАНОВ**

Фото автора.

Не раз мерялись силами представители двух шахматных школ: русской, созданной великим М. Чигориным, и американской, главой которой считается Ф. Маршалл.

Американские шахматисты понесли ряд поражений в боях с советскими: и по радио — через океан, и в гостях — в Москве, и позже — в Финляндии. Американцам оставалось надеяться на успех у себя дома, где, как говорят, и «стены помогают». Американская шахматная федерация искренне желала такой встречи и прошлым летом пригласила советских шахматистов приехать в США. Но, как известно, некоторые американские круги, привыкшие к «комбинациям» отнюдь не в области шахмат, сделали эту поездку невозможной, выдвинув оскорбительные и нелепые полицейские ограничения для советской шахматной команды на период ее пребывания в США. Матч не состоялся. Даже реакционная американская печать вынуждена была признать тогда, что «никогда еще государственный департамент не был в таком глупом и поистине смехотворном положении».

В этом году шахматисты Соединенных Штатов, поддержанные общественностью, после длительной «осады» государственного департамента достигли успеха: ограничения, мешавшие встрече, которую с большим интересом ожидали любители шахмат во всем мире, были отменены. Наша команда отправилась в США.

* * *

Из всего путешествия нам особенно запомнился четырнадцатичасовой беспосадочный полет через Атлантический океан. Перелет должен был длиться одну ночь, но эта ночь оказалась необыкновенно долгой: ведь самолет летел на запад со скоростью 500—600 километров в час, и с такой же скоростью мы улетали от рассвета. Когда наконец взошло солнце, на наших часах, поставленных по московскому времени, было 12 часов дня, а «по местному», в данной точке над океаном, — всего только 7 часов утра.

Еще 3 часа полета — и мы приземлились на аэродроме Нью-Йорка. Из окон самолета видна была огромная толпа репортеров и журналистов. Только мы вышли, как поднялся невероятный шум: хлопали крышки кассет, щелкали фотоаппараты, вспыхивали лампы, трещали кинокамеры — аппарат американской прессы пришел в действие.

Приезд советских гроссмейстеров и матч с лучшими американскими шахматистами вызвали большой интерес в самых широких кругах Соединенных Штатов.

«Не надо быть энтузиастом шахматной игры, — писала одна из нью-йоркских газет, — чтобы приветствовать приезд советской шахматной команды. Мы здесь, в нашей стране, любим высшее искусство в любой области, где оно проявляется, а советские гости демонстрировали его не раз».

Дальнейшее показало, однако, что этот естественный тон уважения к советским шахматным мастерам пришелся не по душе закулисным дирижерам американской прессы. Они немедленно постарались добиться от газетного «оркестра» определенного антисоветского звучания. И вот в ряде газет начинают появляться статьи, полные злобных выпадов против членов советской шахматной делегации и их Родины.

Даже кичившийся своей «аполитичностью» гроссмейстер С. Решевский на страницах «Нью-Йорк таймс мэгэзин» позволил себе ряд недружелюбных высказываний по адресу нашей страны, радушным гостеприимством которой, кстати сказать, он неоднократно пользовался.

Злопыхательские статьи находились в противоречии с теплым и дружеским отношением к нам американских шахматистов и очень многих простых американцев. Как-то мы спросили корреспондента одной нью-йоркской газеты, как он лично объясняет это несоответствие.

Корреспондент охотно и без тени смущения ответил:

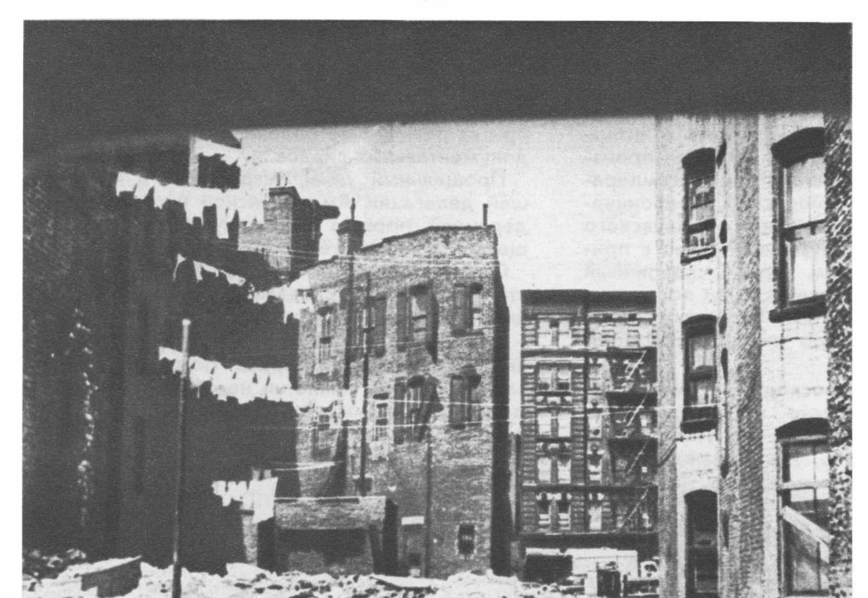
— В газетах у нас все пишется по заказу. — Потом, подумав, он добавил: — Впрочем, есть в Америке мудрая пословица: «Не верь тому, что написано в газете...»

* * *

Гостеприимные хозяева вызвались служить нам гидами по Нью-Йорку и прежде всего показать гордость этого огромного американского города — улицу Бродвей. Мы попали на Бродвей вечером, в разгар свистопляски световой рекламы. Наши спутники объяснили, что Бродвей — «единственная улица в мире», где эта рекламная иллюминация продолжает действовать и при ярком солнечном свете.

Кафе, рестораны, кабаре на Бродвее завлекают публику всеми способами, часто слишком уж откровенными. У одного кафе мы прочли: «50 девушек ждут Вас, будьте нашими гостями». Популярностью пользуется кафе Жака Демпси — бывшего чемпиона мира по боксу. Не надеясь на прочность своей спортивной славы, которая в Америке меркнет после первого поражения, Демпси занялся бизнесом. Теперь бывший «король ринга» угодливо подписывает автографы подвыпившим посетителям принадлежащего ему кафе.

В центре Пятой авеню мы увидели огороженную площадь, где закладывается многоэтажный дом. Нам рассказали, что еще совсем недавно здесь был домик Марка Твена, но здание обветшало и нуждалось в ремонте. Официальные власти отказались отпустить средства. Был объявлен сбор пожертвований среди населения, но удалось собрать немного, и дом, где жил великий американский писатель, попросту снесли.

Когда удаляешься от центра...

В Гарлеме.

Аристократическая часть района Манхеттен — Бродвей, Пятая авеню, 42-я улица, Центральный парк — это лицевая сторона медали. Но тем более резкими нам показались контрасты города. Буквально в нескольких минутах езды от центра мы видели другой Нью-Йорк — не Рокфеллеров и Морганов, а Нью-Йорк бедноты.

На улице Бауэри, в Даун-Тауне, масса босяков, нищих, голодных, ищущих любую возможность заработать немного денег. Вот наперерез к притормозившему на перекрестке роскошному кадиллаку стремительно бросился оборванец и стал протирать ветровые стекла машины. Несмотря на гневные протесты хозяина, безработный не отступает, пока не получает какую-то мелочь.

Запомнилась и своеобразная 4-я улица, улица нью-йоркской богемы. Здесь много маленьких частных театриков, кабаре. По вечерам художники вывешивают на решетках железных заборов свои картины в тщетной надежде что-нибудь продать. Недавно здесь была любопытная выставка полотен «отвергнутых гениев».

Мы побывали в Гарлеме — районе, где живет несколько сот тысяч негров. Много разрушенных от ветхости домов, задымленный воздух. Через улицы протянуты веревки с бельем, маленькие дети, лишенные зелени, копошатся в пыли. Все это в пяти минутах ходьбы от Бродвея!

☆ ☆ ☆

Посмотреть выдающееся спортивное шахматное состязание приехали многие американцы из отдаленных штатов. Любители шахмат прибыли даже из стран Латинской Америки — Аргентины, Мексики, Чили.

На протяжении всего матча зрители с напряженным вниманием следили за событиями, разворачивавшимися на шахматных столиках. Зрителей бывало обычно около полутора тысяч. Среди «завсегдатаев» матча приятно было видеть большого друга нашей страны Поля Робсона. Он живо обсуждал со своим сыном интересные позиции.

В фойе ко мне подошел американец и сказал:

— Я здесь со всей семьей. Пришли посмотреть на советских людей. Мы не играем в шахматы, но от всей души желаем успешной игры вашей команде.

По горячим аплодисментам, награждавшим советских шахматистов после каждой победы, чувствовалось, что среди зрителей было немало наших друзей.

Американская печать со скрипом, нехотя начала после первого дня матча признавать высокий уровень игры советских шахматистов. Одна из газет писала, что «советские мастера — люди, у которых есть основательное и глубокое знание шахматной игры, они понимают человеческую психологию и умеют рано распознать слабость противника и использовать ее»...

В дружескую спортивную атмосферу нашего матча резким диссонансом вклинился «протест» Решевского в третьем туре.

В партии со Смысловым положение американского гроссмейстера не сулило ему радужных перспектив. Обычно в таких случаях шахматисты ищут возможности изменить естественный ход событий, вызвав осложнения на 64 клетках доски. Решевский же решил «запутать игру» за пределами шахматного столика. Он заявил, что часы Смыслова некоторое время не шли, и на этом «основании» предложил считать партию... закончившейся вничью. Судейской коллегии больших трудов стоило убедить Решевского, что советский гроссмейстер никак не может быть повинен в неисправности часов, на штампе которых написано «Made in USA», и что для достижения желанного результата Решевскому следует потрудиться самому...

☆ ☆ ☆

В Нью-Йорке нам довелось быть свидетелями того, как среди населения намеренно поддерживается «атомная истерия». Средь бела дня вдруг разыгралась «учебная атомная тревога». Эта военная истерия порой приобретает здесь крайние по своей нелепости формы. Так, например, в маленьком городке Гленкове, где находится дача советского постоянного представительства в ООН, земельные участки, как нам говорили, стоят очень дорого. Оказывается, впавшие в атомный психоз богатые американцы начали с лихорадочной поспешностью скупать землю под Гленковом и строить здесь себе домики — русские-де эти места наверняка бомбить не станут!

Мы задавали себе вопрос: на чем строится вся эта дикая шумиха, рассчитанная на то, чтобы прикрыть действительные планы агрессивных кругов США? Ответ выболтала газета «Нью-Йорк геральд трибюн».

«Атомный психоз,— прочли мы в газете,— возникает от страхов, порождаемых нашей собственной тенденцией готовить и планировать... нокаут России».

Поэтому не должно вызвать удивления обилие встречающихся вам в Нью-Йорке, на улице и в метро, людей, нервно жестикулирующих или разговаривающих сами с собой. Даже по официальным данным, в Америке свыше миллиона людей страдает психическими заболеваниями.

Призрак безработицы постоянно висит над американцами. Однажды в отделе происшествий было напечатано, что диктор телевидения, известный в стране человек, покончил самоубийством, отравившись газом. Оказывается, он заболел язвой желудка и опасался потери хорошо оплачиваемой работы.

Талантливый шахматист гроссмейстер Россолимо рассказывает нам о своих мытарствах в Америке. Недавно приехав сюда из Европы, он не мог получить работы. Чтобы обеспечить существование семьи, этому всемирно известному шахматисту пришлось устроиться сначала судомойкой в одном из отелей, а потом лишь с большим трудом он получил место шофера у одного миллионера, оказавшегося любителем шахмат...

☆ ☆ ☆

В дни напряженных шахматных боев жара в Нью-Йорке стала особенно нестерпимой. Даже в вечерние часы на улицах стояла невероятная духота, и мы были вынуждены большую часть свободного от игры времени проводить в номерах отеля.

Единственным развлечением были телевизионные передачи. В наших комнатах стояли приемники, по которым одновременно транслировалось несколько различных программ. Правда, отличались эти программы в основном только названиями телевизионных станций. По каждой программе ежедневно передается несколько гангстерских, ковбойских или детективных фильмов. Зрителям предлагается «наслаждаться» бесчисленным количеством драк и убийств. Изобретательность сценариста проявляется лишь в способах уничтожения действующих лиц. Амплитуда здесь действительно велика: от первобытной дубины до атомной бомбы.

Среди других «острых сюжетов» в те дни транслировался по телевизору приобретший скандальную известность спор между сенатором Маккарти и военным министерством.

Находясь в США, мы, естественно, хотели познакомиться с произведениями современных американских композиторов, послушать знаменитых музыкантов — пианиста Владимира Горовица, скрипача Якова Хейфеца, дирижера Леопольда Стоковского. К сожалению, концертный сезон к этому времени закрылся, и мы должны были довольствоваться лишь граммофонными записями их исполнения.

Особенно приятно было услышать в интерпретации лучших музыкантов Америки произведения советских композиторов. Темпераментно исполняет нью-йоркский симфонический оркестр под управлением Стоковского сюиту «Маскарад» Хачатуряна. Хейфец с присущим ему мастерством играет скрипичный концерт Прокофьева. Довелось нам послушать в отличном исполнении нью-йоркского оркестра Седьмую и Девятую симфонии Шостаковича.

В США немало превосходных симфонических коллективов. Однако и они зачастую вынуждены идти на поводу у вкусов пресыщенных буржуа. Помню, как однажды в исполнении хорошего оркестра мы услышали невероятное попури из произведений... Иоганна Себастьяна Баха! Гениальные творения были превращены в острый музыкальный винегрет, в котором не было ни логики, ни элементарного художественного вкуса, ни просто уважения к памяти великого композитора.

А чего стоит, например, такое «произведение»; концерт для... пишущей машинки с оркестром! В этом «концерте» солист выстукивает затейливый ритм клавишами машинки.

Жалко труда музыкантов, обреченных играть подобные «сочинения»!

☆ ☆ ☆

Общая победа советской шахматной команды с перевесом на восемь партий над сборной командой США явилась новым убедительным доказательством превосходства нашей отечественной шахматной школы.

Это должны были признать даже американские газеты.

«Нью-Йорк таймс» писала о советских шахматистах:

«Их победа должна быть оценена еще выше, принимая во внимание, что они играли в чужой стране после долгой и утомительной поездки из своей страны. Они победили в честном и справедливом соревновании».

Не ограничившись этим признанием, газета продолжала:

«На открытии матча 16 июня было много речей о вкладе шахмат в дело укрепления дружбы между советскими и американскими народами. Мы надеемся, что наши советские гости видели на своем собственном опыте, что американцы стремятся к дружбе и миру».

Нельзя не заметить, что это было напечатано в той самой газете, которая в день открытия матча выступила с враждебными выпадами против нашей команды. Даже в «большой прессе» США, видимо, поняли, что в атмосфере дружеского внимания, оказанного советским шахматистам простыми американцами, тон, взятый газетами вначале, звучал как фальшивая нота.

В Нью-Йорке мы все время чувствовали огромный интерес американцев к жизни нашей страны. Нас буквально засыпали вопросами о советской культуре, о нашем искусстве, быте.

На одном банкете американский журналист показал воочию, как на нем самом сказалась систематическая дезинформация, которую проводят американские печать и радио во всем, что касается Советского Союза. Этот журналист довольно развязно сказал, вынимая блокнот и держа в готовности карандаш:

— Мне нравится ваш костюм, гроссмейстер. Скажите, в какой стране вы его шили?

Когда я показал марку нашей советской швейной фабрики, он был явно озадачен и долго не мог решиться записать этот «неожиданный» для него факт.

После одной из совместных поездок с американскими шахматистами на экскурсию, где мы пробыли почти целый день, корреспондент популярного журнала откровенно сказал:

— Я рад был поближе познакомиться с вами. Но теперь я поставлен в затруднительное положение: я не в состоянии написать о вас что-либо плохое. Обещаю, что напечатаю о вас благожелательную статью.— Правда, тут же он поспешно добавил: — Разумеется, если разрешит редактор.

На этой нашей прогулке присутствовало и несколько никому незнакомых лиц. Когда мы вместе с американскими друзьями начали фотографироваться общей группой, эти господа постарались незаметно скрыться. Повидимому, при их ремесле не положено оставлять о себе документальных следов...

Прощальный ужин, устроенный в честь нашей делегации Американской шахматной федерацией, прошел в непринужденной, товарищеской обстановке.

Один из организаторов матча, г-н Бисно, выступил с теплыми словами по адресу советских шахматистов.

«Победа,— сказал он,— досталась русским в честной спортивной борьбе. Но русские завоевали всеобщие симпатии не только шахматными достижениями, но и своим джентльменским поведением. Общественность Америки оценила дружеский характер этой встречи».

В горах Кавказа. После лыжной тренировки приятно освежиться в прохладных водах Турьего озера.

Фото Н. Драчинского.

Просторы Ставрополья.
Фото В. Шаховского.

Справили...

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки А. Каневского.

Жаркий августовский полдень. В палисаднике перед домом председателя цветут розовые мальвы, высокие подсолнечники повернули к солнцу свои круглые почерневшие лица в желтых оборочках лепестков.

У раскрытого окна сидит молодая жена председателя Валентина и убаюкивает ребенка.

— Спи-и, спи-и, о-о-о! О-о-о!

Свекровь, примостившись у другого окна за швейной машинкой, бойко строчит голубую распашонку.

— Все равно, маманя, — шепотом говорит Валентина, — вы хоть и спрыснули Андрюшеньку с уголька, а он беспокоится.

— И будет беспокоиться, — отвечает свекровь, не переставая строчить. — Вторую неделю дите некрещеное живет, — как же ему не беспокоиться? Нынче мне сон привиделся нехороший: будто лежу, гляжу в потолок, а в глазах у меня тучи черные медведями так и ходют. А один медведь сорвался с потолка и свалился на меня, ни дыхнуть, ни охнуть... Не к добру.

— Что ж теперь делать, маманя? Вася ни в какую не соглашается крестить. Говорит, я председатель, мне моя политическая совесть не позволяет. Потому что, говорит, за это дело по головке не погладят, скажут, что несознательный, пример подаю.

— Уж больно все сознательные стали, — говорит свекровь и перекусывает нитку. Голубая крестильная рубашка готова, осталось пришить завязочки. — А ты, милая, не с того конца за дело берешься. Он днем верховодит, а ты его ночью уговаривай. Бабье дело — темная ночь. Уж на что его отец-покойник крут был, царство небесное, днем и изругается, и всяко бывало. А ночью — Любушка да Любушка. И Василий такой же...

Валентина прерывисто вздыхает.

— Любит он меня, конечно. Ну только я не могу против его совести идти.

— Да нешто он сам крестить повезет? — сердится свекровь. — Правила такого нету. Родители дома остаются, на то крестные отец и мать есть. В отцы Михей, шорник, давно набивается. Возьмем подводу, будто в полуклинику на консультацию в Звягино поедем, там и окрестим. И Макаровы свою девку повезут. Девке второй месяц пошел, а она, как котенок, прости господи, некрещеная.

— У Макаровых девочка тихонькая, — вздыхает Валентина.

— Чисто немая! А не окрестят, и вовсе немая будет. Ребенок кричать должен. — Свекровь уже позабыла, что только вчера спрыскивала внука с уголька, чтоб не кричал.

Ночью она сидит у себя на кровати и, выпростав ухо из-под косынки, прижимается им к оклеенной обоями перегородке. Невестка с сыном говорят вполголоса, но все же кое-что слышно.

— ...Чтоб я в этом деле не участвовал, — приглушенно гудит Василий. — Да накажи, чтоб макали поаккуратней, еще захлебнется у них, у чертей.

«Не может без черного слова, как отец-покойник», — думает старуха, сплевывает через плечо и крестит перегородку, за которой находится ее сын.

— Маманя крестной будет, она уследит, — говорит Валентина. — Васенька, а звягинского батюшку потом пригласить на обед или нет?

— Какого еще батюшку? — басит Василий. — Вы уж из меня совсем дурака делаете. Каких-то батюшков приглашать... — К этому он присовокупляет несколько слов, которые заставляют его старую мать снова плевать и креститься. — Пообедает дома за наши денежки.

— Ну, коли так, ладно, — соглашается Валентина. — А справить все равно надо. Нельзя, чтобы крестины не справлять.

Василий некоторое время молчит. За перегородку проникает махорочный крепкий дух.

— Справить можно, — наконец говорит он. — В этом никакого дурману нет. Празднование по случаю рождения ребенка — явление допустимое. Я в Подлипки позвоню, чтобы брат Иван приехал с семейством.

— В Тепловку позвони, чтобы Даша с мужем приехала. А не то машину за ними пошли.

— Машины на уборке.

— Уж ради такого случая! У них тоже девочка махонькая, грудная. Надо, Вася, по-родственному.

— Ну-ну, там видно будет... — размягченным голосом соглашается Василий.

«Умеет, — шепчет за перегородкой старуха. — К ихнему брату днем на кривой козе не подъедешь, а ночью хоть веревки вей».

Утром у палисадника останавливается тележка, на ней сено, накрытое брезентом. На козлах шорник Михей в новом пиджаке. Старуха бережно выносит сверток — стеганое шелковое одеяло в кружевах пододеяльника. В свертке драгоценная ноша — внучонок. Мимо идут женщины с подойниками.

— Ай крестить, тетя Люба?

— В полуклинику, на консультацию.

Женщины пересмеиваются:

— К Макаровым не забудьте заехать, они в ту же полуклинику собирались...

...Вечер. Из раскрытых окон в палисадник и на всю улицу несутся развеселые голоса, смех, нестройное пение.

«Ка-акой ты бы-ыл»... — заводит нестерпимо высокий женский голос.

...«Та-акой оста-алси-и-и»... — подхватывают вперебой мужские и женские голоса.

— У председателя гуляют, — говорят девчата, возвращаясь с поля.

— Крестины, — поясняет женщина с ведрами. Она нарочно опустила на землю свои ведра у калитки, будто отдыхает. — Уж нажарено, напарено всего! В район Мишку гоняли за пивом. В сельпо водка есть, а пива нету — вот Мишка и ездил.

При упоминании о Мишке-шофере одна из девушек обижается:

— Нечего Михаила виноватить! Он не соглашался за пивом ехать, а председатель ему что сказал? Говорит: «Раз тебе задание дано — исполняй и не умничай, а то, говорит, выгоню тебя из шоферов к чертям свинячьим!..» На каждом шагу у него то боги, то черти, оттого и работа через пень-колоду идет — ни тебе толкового разговора, ни плана, как у людей.

— Правильно, — соглашается другая девушка. — Мы с одной машиной весь день промаялись. А ведь уборка! Душа болит. — И, покосившись на раскрытые окна, выкрикивает звонкой скороговоркой:

«Пропадай урожай, все
на свете пропадай!
Председатель крестит сына,
его, девки, не замай!»

— Озорница! Василий Спиридоныч услышит, он тебе припомнит, как про него частушки складывать, — опасливо шепчет женщина и подхватывает свои ведра.

— Испугались мы твоего Василия Спиридоныча! Все равно на чистую воду выведем! — шумят девушки.

Но частушку в доме у председателя никто не слыхал. Там идет гульба.

— Первенький! — кричит захмелевшая свекровь. — Весь в нашу породу.

— С меня спечатан в точности, — соглашается Василий. — Копия.

Гости бурно одобряют, пьют и за молодых родителей и за новорожденного.

А «копия» лежит поперек широкой постели и сучит ножонками. Рядом, также поперек, уложены дашина месячная девочка и еще двое ребятишек. Они то поднимают крик, и тогда матери бегут к ним и кормят или меняют пеленки, то смирно лежат и чмокают засунутыми в рот резиновыми сосками.

— Растет поколенье! Выпьем за Андрея свет-Васильича, быть ему тоже председателем! — шумят гости.

Валентина не пьет. Объясняет подробно:

— Мне врач сказал, когда кормишь, нельзя допускать внутрь алкогольные напитки.

— А ты плюнь на врача! Он, небось, сам допускает внутрь. Как это так — нельзя?

— За здоровье, Валюша, можно и даже пользительно, — настаивает подгулявшая свекровь. — Если хоть каплю оставишь, эта капля на ножки или на спинку ему падет и начнет он рость вбок. У Гарасимовых мать этак же не выпила до донышка, и вырос Яшка горбатым.

— Он у ней с крыльца упал, — говорит кто-то из гостей.

— Господи! Да Васенька у меня откеда только не падал, а вырос, слава богу, не горбатый, не конопатый и вот — председатель!

— Да уж теперь ниоткуда не упаду, а упаду, так встану! — бахвалится Василий.

Валентина под одобрительные возгласы выпивает стопку водки с пивом до дна, до капли, кашляет, трясет головой. Сразу захмелев, опускается на скамью рядом с мужем и кладет голову к нему на плечо.

— Уж так-то живем душа в душеньку, — умиляется свекровь. — И родню не забываем, обижаться никто не может: и Дашеньку с мужем из Тепловки привезли на своей машине, и за Ваней в Подлипки заехали...

— Мне чтоб в ночь выехать, чтоб к утру дома быть, — заплетающимся языком бормочет дашин муж.

— Сказано, будешь — и будешь! — хлопает ладонью по столу Василий. — Что я, не хозяин своему слову? Или своим машинам я не хозяин?

Заводят патефон: «О, голубка моя...»

Кто-то из гостей подымает с подоконника тяжелую голову.

— Г... г... голубку заведитя!

— Только что.

— Ешшо! Не расчувствовал...

...«О, голубка моя!..»

Внезапно гаснет свет. В темноте начинается возня, падает посуда.

— Где электрик-то наш?

— Где! В палисаднике, носом в грядку. Он заместо себя ребят оставил, они чего-нибудь там и натворили.

— Ладно, завтра разберемся. Ребята — специалисты, они много не напортят.

— У меня свечка от заутрени сбереглась, — хвалится свекровь и вставляет желтую свечу в горлышко пивной бутылки.

Гости — которые расходятся, которые разъезжаются. Хозяева остаются одни. Свеча догорела. Плачет ребенок.

— Андрюшенька, Андрюшенька, о-о-о! — сонно уговаривает Валентина, укладывая его в люльку.

— Не хуже, чем у людей, слава богу, — бормочет свекровь у себя за перегородкой.

Василий уже храпит густым, богатырским храпом. Ему вторит электрик с грядки, что под окном.

Просыпаются они внезапно на рассвете от отчаянного женского крика:

— Не он!

Валентина стоит над люлькой вся в слезах. В горницу вбегает свекровь в сбившейся на ухо косынке. Василий протирает припухшие глаза, спрыгивает с кровати.

— Кто — не он? Чего ты?

— Ребеночек! — всхлипывает Валентина.

Василий наклоняется над люлькой.

— Бредишь, что ли, ай перепила? Андрейка, сынок, родная мать не признала...

— Да какой он сынок? — вскрикивает Валентина. — Ты глянь: сынок или что?

— Н-да... — оторопело произносит Василий. — Теперь и я вижу: это девка. Как же так? За одну ночь...

— Обменили! — догадывается свекровь. — Батюшки, ребеночка обменили! От, пьяные ироды, сво-во от чужого не отличили! Девку с малым перепутали...

Старуха ругается, Валентина плачет, Василий чешет в затылке.

— Ну, не реви, не реви, — обращается он к жене. — Какое дело, подумаешь, не чужие взяли, свои. Либо Дашка либо ванькина жена подхватила.

— На машине ночью с пьяными, кровиночка моя! — заливается Валентина.

— Василь Спиридоныч, а Василь Спиридоныч! — раздается чей-то голос с улицы. — Наш грузовик, люди сказывают, ночью в речке завяз.

— Ай! — вскрикивает Валентина и валится на кровать.

— Трактор давай! — гремит председатель и без фуражки опрометью выбегает из дома.

Пока возятся с трактором, он останавливает посреди улицы воз со снопами, трясущимися руками выпрягает гнедого мерина и, взвалившись на него без седла, скачет к месту происшествия, за восемь километров.

...Машина завязла посреди речки. Там мелко, но сидит она в песке крепко. На берегу, под кустиком, все дашино семейство. Василий Спиридоныч на рысях въезжает в воду, подымая брызги. Ему не до машины.

— Андрейка жив ли?

— Какой еще Андрейка? — удивляется Даша.

— Подсудобил нам шофера черт-те какого пьяного! — ругается дашин муж. — К утру обещался доставить, а сейчас уж белый день, а я под ракитой!

Но Василий Спиридоныч уже не слушает. Куда теперь? В Подлипки к Ивану?

А тем временем Андрейка уже дома. Его, проспавшись, принесла жена шорника Михея. Женщины смеются.

— Уж до чего он у тебя жадный! — рассказывает Валентине шорникова жена. — Ночью проснулся и вот сосет, вот сосет. Я думаю: что это моя доченька так раскушалась, а рассвело, гляжу: мальчонка.

— Вот и хорошо, помог господь разобраться, — истово крестится свекровь.

Валентина счастливо улыбается.

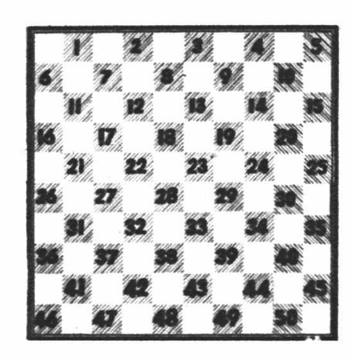
— А мой-то без памяти! Я только крикнула: «Не он!», — а Василий, как шальной, из дома выбег. Небось, в Подлипки сейчас скачет. Позвонить бы, чтоб не беспокоился. Уж такой он у меня желанный, такой заботливый!

А Василий Спиридоныч действительно скачет в Подлипки, наддавая каблуками в бока гнедому мерину и высоко взмахивая локтями. На небо из-за леса наползают грозовые тучи — ни дать, ни взять медведи из старухиного сна. Пробегает ветер, падают редкие капли.

На поле девчата таскают снопы на подводы и на чем свет стоит ругают председателя:

— Справил крестины! Лошади в разгоне, машина в речке, электрик никак не очнется... Ну, погоди, допрашуешься, пьяница-креститель! Как будем тебя из председателей гнать, господь не поможет, родимая матушка не замолит!

Стоклеточные шашки

Стоклеточные шашки — одна из разновидностей шашечной игры — появились в Европе в начале XVIII века и назывались «польские шашки». Распространившись в большинстве европейских стран, они стали международной игрой. С 1895 года на Западе по стоклеточным шашкам проводятся официальные соревнования на первенство мира.

Советские шашисты знакомы со стоклеточными шашками много лет, но лишь в последние годы начали достаточно серьезно изучать и культивировать эту игру. В 1953 и в 1954 годах были проведены городские и республиканские соревнования в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии. Сейчас проходит Всесоюзный турнир.

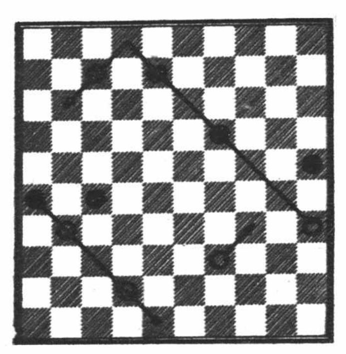
Игра в стоклеточные шашки ведется на доске, имеющей 100 клеток (отсюда и название этой игры). Стороны, начиная игру, имеют по 20 шашек. Для записи партий и отдельных позиций применяется цифровая нотация, при которой каждое черное поле доски имеет определенный номер от 1 до 50 (см. диаграмму № 1).

Правила игры в стоклеточные шашки отличаются от правил игры в русские шашки лишь следующим:

1. При возможности взятия по двум или нескольким направлениям играющий обязан брать (простой или дамкой) наибольшее количество шашек, независимо от того, будут ли это простые шашки или дамки.

2. Если простая шашка при этом достигнет последнего ряда и ей представляется возможность дальнейшего взятия как простой шашке, то она обязана это сделать тем же ходом и остается тогда простой шашкой.

3. Если простой шашке в таком же положении представляется возможность дальнейшего взятия как дамке, то она не может дальше в одном ходе действовать и как

простая и как дамка. Она обязана остаться дамкой на поле последнего ряда. При этом как дамка она может бить при следующем своем ходе (если, конечно, такая возможность сохраняется).

Во всем остальном правила игры в стоклеточные шашки ничем не отличаются от русских шашек.

На диаграмме № 2 после хода белых 1.37—31 черные обязаны брать 1.... 26—48 (большинство!); продолжать взятие на правах дамки они не имеют права. Теперь белые играют 2.39—34 48 : 30 3.35 : 11 (белая шашка остается простой) — и ничья.

Г. ТОРЧИНСКИЙ

Победа на стадионе «Нейфильд»

Г. КОРОБКОВ,
мастер спорта

Через минуту будет дан старт финального забега на 80 метров с барьерами. Первая справа — М. Голубничая (СССР), завоевавшая первенство Европы. Судьи уносят к финишу корзину, в которой сложены костюмы участниц.

Советские легкоатлеты, участники соревнований на первенство Европы, приехали в столицу Швейцарии за двенадцать дней до открытия чемпионата. Не теряя времени, мы приступили к тренировкам. Для этой цели нам предоставили небольшой стадион «Ванкдорф». Рядом высились огромные трибуны, окаймлявшие прямоугольное, поразительно зеленое поле. Здесь недавно состоялись заключительные матчи на первенство мира по футболу.

Посмотреть наши тренировки собралось много народу. Предприимчивые владельцы «Ванкдорфа» на другой день установили за вход плату — один франк. Сборы все время были полными. Этим самым был положен конец заявлениям некоторых газет о мнимых «секретах тренировок русских». Вслед за нами в Берн стали съезжаться команды других стран. На стадионе с каждым часом становилось все теснее. Вот по дорожке бегут норвежец Аудун Бойсен и чех Станислав Юнгвирт. Метает диск итальянец Адольфо Консолини. Прыгает Леонид Щербаков. Все они не замечают дождя. Каждый занят своим делом.

Запомнился такой эпизод. Дождь перешел в ливень. Группа советских спортсменов собралась под зонтами. В это время по гаревой дорожке бежал турецкий спортсмен. Поровнявшись с нами, он на русском языке прокричал: «Чапай никогда не отступает...»

Тем временем на стадионе «Нейфильд» шли приготовления к чемпионату. Строилась еще одна трибуна, приводилась в порядок дорожка, оборудовались секторы для метателей и прыгунов.

В Берн съехалось более девятисот спортсменов, множество журналистов, фоторепортеров, кинооператоров, туристов из различных стран мира.

Больше всего туристов нахлынуло из Западной Германии. Они были уверены в победе своей команды. Англичане появились в Берне в одинаковых пиджаках зеленого цвета, со специальными значками. Они тоже верили в успех своих соотечественников. Приехали наблюдатели и из-за океана.

Многим командам, как, например, румынской, финской, пришлось разместиться в других городах, километрах в шестидесяти от Берна.

Интерес к соревнованиям возрастал с каждым днем. Спортивные обозреватели строили всякие предположения относительно исхода чемпионата. Большинство журналистов сходилось на том, что русские легкоатлеты (имелись в виду мужчины) увезут не более трех золотых медалей. В числе будущих чемпионов Европы назывались имена Юрия Литуева, Леонида Щербакова и Василия Кузнецова.

В канун открытия соревнований — 24 августа — прибыла самая многочисленная команда: 73 спортсмена Западной Германии. Советский Союз представляли 72 легкоатлета.

Наконец все в сборе. В Берн съехались спортсмены двадцати восьми стран. Это был своеобразный рекорд: ни одно из предыдущих первенств не собирало такого числа участников.

Всех без исключения пугала погода. Дождь все лил и лил. В магазинах Берна резко повысился спрос на зонты и всевозможные плащи.

Отель «Савой», в котором мы остановились, стал местом своеобразного паломничества. Первым у нас появился чемпион XV олимпийских игр по ходьбе

Финальный бег на 400 метров с барьерами закончился полной победой советских спортсменов. На снимке хорошо видно, как А. Юлин (№ 499) выигрывает у мирового рекордсмена Ю. Литуева (№ 498).

В. Куц ведет бег на 5 тысяч метров.

итальянец Джузеппе Дордони. Он хотел повидаться с Владимиром Уховым и Сергеем Лобастовым. Переводчика в это время не оказалось. В ход пошли бумага и карандаши: язык спортивных результатов ясен каждому. У нас побывали тренеры, спортсмены и журналисты многих стран. Долго беседовал с нами главный тренер Мичиганского университета (США) Дон Канам. Он выразил свое восхищение достижениями советских легкоатлетов, подробно расспрашивал о методах тренировки бегунов на длинные дистанции, в тройном прыжке. Пришел к нам в гости один из сильнейших спринтеров Европы в прошлом, ныне спортивный журналист, швед Леннарт Страндберг. Толковали мы с английскими, норвежскими, югославскими, швейцарскими, бельгийскими и другими тренерами. Я уже не говорю о наших испытанных друзьях — спортсменах стран народной демократии.

Духом доброжелательности и товарищества были проникнуты эти встречи.

Английские спортсмены сообщили нам, что с нетерпением ждут в середине октября в Лондоне сборную команду легкоатлетов Москвы, что билеты на этот матч уже распроданы.

Теперь о самих соревнованиях. Результаты их общеизвестны. Напомню, что советские спортсмены завоевали 20 золотых, 11 серебряных и 10 бронзовых медалей — столько же, сколько получили Англия, Западная Германия, Италия и Норвегия, вместе взятые. Команда СССР набрала 221 очко, Англия, занявшая второе место, — 91,5 очка, Чехословакия — 76, Западная Германия — 72. Тут, как говорится, комментарии излишни.

Достаточно уверенно действовала судейская коллегия. Судьи были внимательны и непреклонно точны в своих решениях. Им в упрек можно поставить лишь один промах. Об этом уже много писалось в газетах всех европейских стран. Я имею в виду марафонский бег. Судьи не успели приготовиться к приему участников, и появившийся первым на стадионе советский бегун Иван Филин повернул не направо, а налево. Пока Филин понял, что бежит не в том направлении, финн Карвонен разорвал финишную ленточку, вторым закончил бег Борис Гришаев и третьим — Филин. Тотчас же Вейко Карвонен поздравил Филина и сказал ему, что он истинный победитель. Чемпионка Европы 1954 года по метанию копья Дана Затопкова преподнесла Филину большой кубок.

Результаты марафона объявлены не были. Всю ночь заседала судейская коллегия. Наконец огласили решение: считать чемпионом Европы Карвонена, а Филина наградить золотой медалью. Пожалуй, ни одного победителя на стадионе «Нейфильд» не чествовали так, как Филина, в момент вручения ему золотой медали.

Особенно успешно выступали наши атлеты в пятницу 27 августа и в воскресенье 29 августа. Швейцарская печать назвала 27 августа «русской пятницей в Берне». В этот день в семи финалах из восьми победу одержали спортсмены СССР. В толкании ядра первое место занял чехословацкий метатель Иржи Скобла.

Наибольшее впечатление на зрителей произвел финальный бег на 400 метров. Такого сильного состава участников еще не знало ни одно состязание легкоатлетов Европы. По первой дорожке бежал чемпион Западной Германии Хаас, которого вся пресса и все знатоки прочили в победители, по второй — рекордсмен и чемпион СССР Игнатьев, по третьей — швейцарец Хегг, по четвертой — финн Хельстен, по пятой — француз Дега и по шестой дорожке — венгр Адамик.

Когда стартер поднял вверх руку с пистолетом, на стадионе стало так тихо, что было слышно, как в ложе прессы журналисты стучат на пишущих машинках. Но через секунду смолкли и машинки. Зато сразу же после выстрела началось нечто невообразимое. Особенно усердствовали немцы.

— Хаас, Хаас! — скандировали они.

Тактика Ардальона Игнатьева сводилась к тому, чтобы не проиграть Хаасу, обладающему огромной скоростью, первые двести метров. Со своей задачей Игнатьев превосходно справился. Он пулей вылетел на последнюю прямую и первым закончил этот поразительно красивый бег.

Результат Игнатьева — 46,6 секунды, новый рекорд СССР. Хаас должен был довольствоваться четвертым местом. Второе место занял финн Хельстен.

Были и такие виды легкой атлетики, где у советских спортсменов не нашлось сильных противников. Так сложилась борьба в толкании ядра и метании диска у женщин, в беге на 200 метров для женщин, в барьерном беге на 400 метров.

Но были у нас и неудачи. Наши бегуны не смогли выйти в финал бега на 800 и 1 500 метров. Слабо выступали мужчины в прыжках с шестом, в длину, в высоту, в метании диска, в беге на 100 и 3 тысячи метров с препятствиями.

Солнечное воскресенье 29 августа, заключительный день первенства, явилось новым триумфом советского спорта. «Виновниками» торжества были москвич Владимир Куц и минчанин Михаил Кривоносов.

Накануне в «Савое» собрался наш тренерский совет. Мы обсуждали план бега Куца на 5 тысяч метров. Его тренер Г. Никифоров настаивал на том, чтобы Куц шел на рекордный результат, другие тренеры настаивали на иной тактике. Они опасались, что Куц, не выдержав быстрого темпа, собьется с графика и останется без призового места.

Решили узнать мнение Куца. Он заявил, что готов бить мировой рекорд. На этом и порешили.

Пятнадцать первоклассных мастеров бега на длинные дистанции, представлявшие СССР, Англию, Чехословакию, Бельгию, Венгрию, Финляндию, Польшу, Норвегию, Западную Германию, вышли на старт. Среди них был сильнейший бегун мира на эту дистанцию — Э. Затопек. И сразу же бег возглавил Куц. Предложенный им темп оказался не под силу всем остальным. Четверо прославленных легкоатлетов: Ковач (Венгрия), Грин (Англия), Шаде и Лауфер (Западная Германия) — сошли с дистанции.

Куц почти точно выдержал график, и судьи зафиксировали сразу два новых мировых рекорда: на 3 мили — 13 минут 27,4 секунды и на 5 тысяч метров — 13 минут 56,6 секунды.

Два мировых рекорда в одном забеге! Москвич опередил занявших второе и третье места Кристофера Чатауэя (Англия) и Эмиля Затопека (Чехословакия) более чем на 70 метров. Убедительная победа! Четвертое место занял молодой москвич Владимир Окороков.

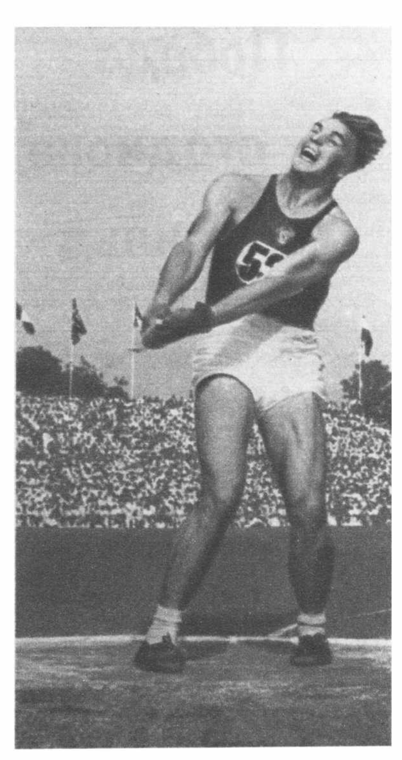
Соревнование метателей молота открыл мировой рекордсмен норвежец Сверре Страндли. Он метнул молот на 61 метр 7 сантиметров. Отличный результат! Олимпийский чемпион Иожеф Чермак и рекордсмен СССР Михаил Кривоносов приуныли было. Начался финал. Кривоносов сделал великолепный бросок. Молот еще был в воздухе, а над стадионом уже гремели аплодисменты. Зрители не ошиблись: Михаил Кривоносов установил новый мировой рекорд. Его молот пролетел 63 метра 34 сантиметра. Еще одно имя советского легкоатлета появилось в таблице мировых рекордов.

В заключение мне бы хотелось отметить некоторых зарубежных мастеров. И, конечно, прежде всего Эмиля Затопека и его супругу Дану. Затопек исключительно сильно выступил в беге на 10 тысяч метров. Он пока единственный стайер, которому удалось пройти 10 километров меньше чем за 29 минут. Дана Затопкова, как и на олимпийских играх в Хельсинки, сумела завоевать первое место в метании копья. Хотя ее достижения и уступают мировой рекордсменке Коняевой, в Берне Затопкова добилась лучшего результата. Образец умения мобилизоваться к самым ответственным состязаниям...

Большое впечатление произвели на нас бегуны на средние дистанции, в особенности чемпион Европы на 800 метров Лайош Сентгали (Венгрия) и на 1 500 метров Роджер Баннистер (Англия).

Крупнейшие состязания летнего сезона остались позади. Советские спортсмены одержали большую победу на стадионе «Нейфильд».

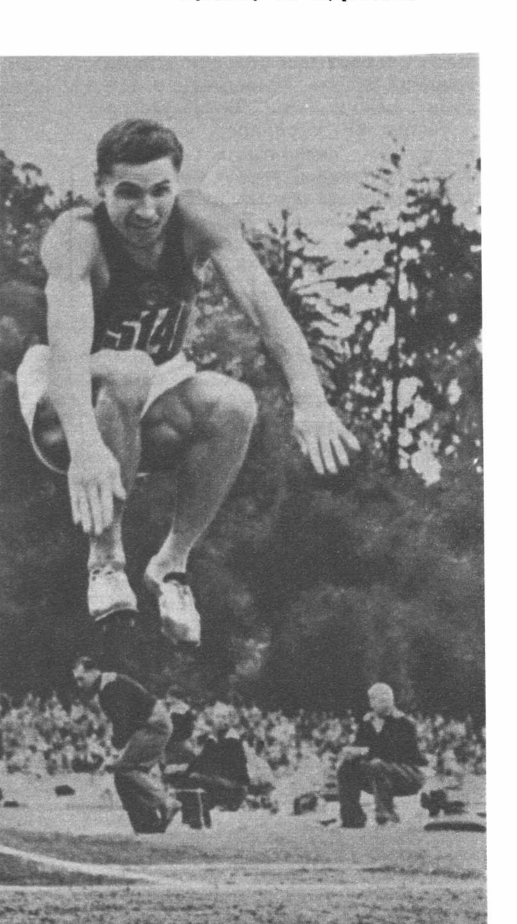
Берн — Москва.

М. Кривоносов устанавливает мировой рекорд в метании молота.

Советские спортсменки, чемпионки Европы в эстафете 4×100 поздравляют Э. Затопека с победой в беге на 10 тысяч метров. Слева направо: И. Турова, Р. Улиткина, Э. Затопек и В. Крепкина.

Чемпион Европы по тройному прыжку Л. Щербаков.

В чистом поле две тополи...

В чистом поле две тополи
Над рекой стоят,
Над рекою голубою
Листьями шумят.
Здесь встречались,
расставались
С милым на заре,
Расставались — целовались
Утром в сентябре.

Он уехал, он уехал,
Поезд промелькнул.
Он в открытое окошко
Мне рукой махнул.
Всполошилась, закружилась
Зимушка-зима...
Мне пришли за это время
Только два письма.

Расцветают две тополи
По весне опять...
Хорошо над чистым полем
Ласточкам летать.
Круг за кругом, друг
за другом
Ласточкам летать.
В чистом поле, где тополи,
Вешний день встречать.

Расцветают две тополи
В поле над рекой...
Где ж ты, милый, где ж ты,
Коля,
Сердцу дорогой?
В чистом поле на тополи
Только гляну я,—
От кручины, от печали
Тихо вяну я.

ВО ВЛАДИМИРСКИХ ЛЕСАХ

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото О. КНОРРИНГА.

Не всегда хватает человеческой жизни, чтобы увидеть, как из семян, брошенных в землю, вырастают бескрайние боры и дубравы. Даже на то, чтобы шумливые, веселые рощицы превратились в красивый, могучий лес, уходят долгие годы. Так уж получается у лесоводов: настоящие плоды их трудов пожинают потомки.

— А мне вот пришлось березовый лес в одном и том же месте два раза рубить,— рассказывает лесничий Григорий Иванович Ермолаев. — Первый — лет пятьдесят назад, и еще раз — совсем недавно. А теперь там уже зазеленел молодняк. Кто знает, может, и третий раз придется...

Ермолаеву 73 года. Почти шестьдесят лет работает он в лесу, полвека хозяйничает в одном и том же лесничестве. За это время собрал Григорий Иванович 20 тонн семян, засадил ими тысячи гектаров.

Во Владимирской области есть лес, которому сейчас почти двести лет. Когда Ермолаев был мальчиком, деревья там были такими же огромными, а лес таким же дремучим, как и сегодня. Высокие красноватые сосны, заросшие мохом, седые ели, скрюченные от старости осины и березы лениво покачиваются на ветру. Этот лес называется заповедным.

Когда-то такими лесами была покрыта чуть ли не вся Владимирская область. С годами на владимирской лесной карте образовалось много уродливых плешин. Теперь эти плешины постепенно зарастают. Молодая поросль уверенно тянет к солнцу нежные ветви.

...Мы держим путь в Вязниковский лесхоз, соблазненные рассказом о пробковом дереве — амурском бархате, который там разводят. Однако вместо зарослей огромных, толстых деревьев, о которых приходилось читать, мы увидели тоненькое высокое дерево и большое поле, засаженное кустиками.

— А где же бархат?

Старший лесничий Александр Николаевич Коноплев рассмеялся.

— Одному академику в давнее время поручили вырастить в России дерево пекан, нужное для авиации. Его часто спрашивали: «Ну, что пекан?» Он отвечал: «Растет, растет!» Вот и бархат растет. Уже начал плодоносить. Семена мы разослали по лесничествам. Недалеко то время, когда амурский бархат будет в средней России таким же заурядным деревом, как осина и береза.

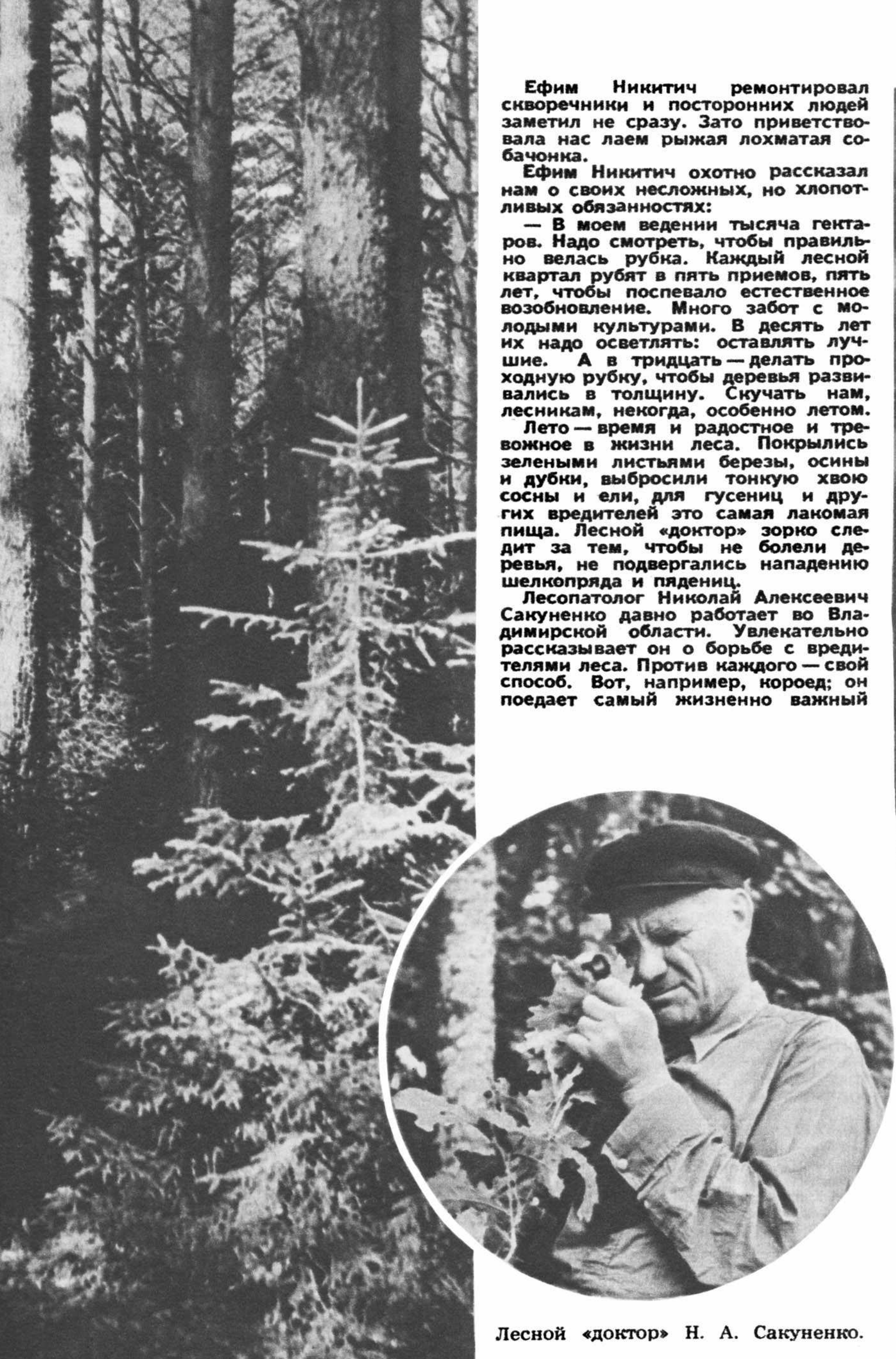
Из питомника мы направились к Ефиму Никитичу Пелевину, леснику этого же лесхоза. Путь к нему вел через лес. Плотной стеной обступила березовая роща заросшую травой, изрытую колдобинами дорогу. Точно умытые, стоят по обе стороны стройные березки. Вскоре мы добрались до небольшой деревеньки. Домик Пелевина — на краю. Окруженный ивами и липами, он приветливо выглядывает из зеленого шатра. Рядом фруктовый сад, в саду с десяток ульев. В доме светло, уютно, пахнет медом. За-

Полвека хозяйничает в здешних лесах Григорий Иванович Ермолаев.

Е. Н. Пелевин ремонтирует скворечники.

Лесной «доктор» Н. А. Сакуненко.

мысловатые кресла, стулья, столы — дело рук хозяина, который любит столярничать в свободное время.

Разные профессии переменил Ефим Никитич, прежде чем окончательно поселился в лесу. С тех пор прошло много лет. Повзрослели, набрались силы деревца, посаженные Пелевиным, птицы заселяют новую жилплощадь. Труднее стало Пелевину ходить по лесу, но работы он не бросает.

Ефим Никитич ремонтировал скворечники и посторонних людей заметил не сразу. Зато приветствовала нас лаем рыжая лохматая собачонка.

Ефим Никитич охотно рассказал нам о своих несложных, но хлопотливых обязанностях:

— В моем ведении тысяча гектаров. Надо смотреть, чтобы правильно велась рубка. Каждый лесной квартал рубят в пять приемов, пять лет, чтобы поспевало естественное возобновление. Много забот с молодыми культурами. В десять лет их надо осветлять: оставлять лучшие. А в тридцать — делать проходную рубку, чтобы деревья развивались в толщину. Скучать нам, лесникам, некогда, особенно летом.

Лето — время и радостное и тревожное в жизни леса. Покрылись зелеными листьями березы, осины и дубки, выбросили тонкую хвою сосны и ели, для гусениц и других вредителей это самая лакомая пища. Лесной «доктор» зорко следит за тем, чтобы не болели деревья, не подвергались нападению шелкопряда и пядениц.

Лесопатолог Николай Алексеевич Сакуненко давно работает во Владимирской области. Увлекательно рассказывает он о борьбе с вредителями леса. Против каждого — свой способ. Вот, например, короед; он поедает самый жизненно важный слой древесины, дерево сохнет и умирает. Нападает короед в первую очередь на слабое дерево. Поэтому его можно обмануть. Срубают несколько деревьев, их называют «ловчими»: короед переходит с живых на мертвые. Тогда их окоряют — снимают кору и сжигают ее вместе с насекомыми.

И. И. Кравченко приземляется на полянке, недалеко от пожарища.

Есть еще один враг у леса — огонь. Каждую весну и лето в лесных областях случаются большие и маленькие пожары. Начинается пожар всегда с пустяка — от непотушенного костра, брошенного окурка, от спички. Бывает, что лесники обнаруживают пожар уже тогда, когда огнем охвачено большое пространство.

...Утром, как обычно, с Владимирского аэродрома в очередной рейс вылетает самолет. На борту, кроме летчика, парашютист И. И. Кравченко и штурман П. Ф. Трофимов. Осталось позади зеленое поле, замелькали под крылом самолета щеточки ельников, луга, снова лес, березняки, осинники. Неожиданно впереди возникла серо-белая шапка густого дыма, а под ней острые языки пламени. Самолет снизился, прошел раз — другой над самым пожарищем. Горел низкорослый сосновый лес, разбросанный на торфяниках. Определив, что горит в Заколпском лесничестве Курловского лесхоза, установив точно квадраты, Трофимов дал указание летчику набирать высоту. На высоте 600 метров на крыло самолета вылез парашютист. Над небольшой полянкой, недалеко от места пожара, Кравченко выбросился. Самолет сделал несколько кругов. Забелел купол парашюта. К Кравченко уже спешили люди. Впереди мчались мальчишки...

Самолет же направился по курсу — в ближайшее лесничество. Здесь на крыше одного из домов специально для летчиков сделан опознавательный знак — большой белый треугольник. Самолет снова сделал несколько кругов. Из дому выбежали люди. Трепыхая по ветру красными лентами, к их ногам упал вымпел — небольшой мешочек с песком. В мешке листок с картой пожара...

В воздушной охране лесов Владимирской области служат смелые люди. Иногда по нескольку раз в день приходится прыгать с самолета. Командует ими опытный штурман Павел Федорович Трофимов.

...Под крылом самолета шумит старый и молодой лес. На берегу реки раскинулся пионерский лагерь. Мелькают платьица и рубашки ребят, занятых поисками малины и грибов. Бродит охотник. Смело разгуливают по лесу лоси. Им некого бояться: последнего медведя здесь застрелили в 1938 году, волки лосю не страшны, а охота на лося запрещена.

Где-то валят лес, и визжит пила. Блестит в зеленой мгле неторопливая речка. Все выше и выше поднимается солнце, освещая оранжевыми лучами лес, веселые прогалинки, речку...

Нашла подберезовик!

Молодецкий посвист...

Галилеева труба

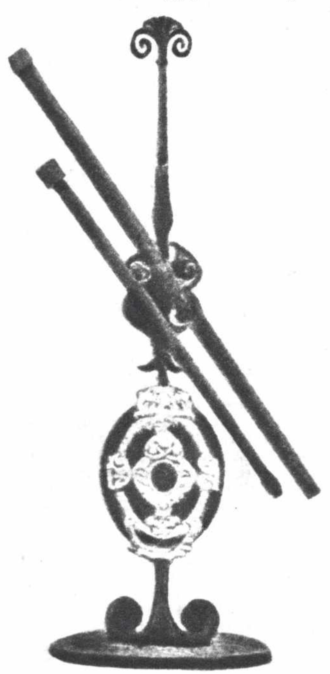
Собираясь в театр, многие берут с собой бинокль — прибор из двух маленьких телескопов. Кто был изобретателем такого телескопа, точно неизвестно. Сохранилось предание, что дети голландского оптика Липперсгея, играя очковыми стеклами, случайно расположили их так, что дальняя церковь, и дома, и люди, шедшие по улице, вдруг, словно по волшебству, придвинулись к ним. Об этом удивительном явлении они рассказали отцу и таким образом натолкнули его на мысль устроить зрительную трубу. Достоверно, однако, что Липперсгей в 1608 году подал голландскому правительству прошение о выдаче ему привилегии на изготовление телескопов.

Называют и других изобретателей, но известен телескоп стал под именем «галилеевой трубы». Объясняется это тем, что с помощью ее великий итальянский ученый сделал выдающиеся открытия, положив начало новой астрономии.

Узнав об изобретении Липперсгея, Галилей в 1609 году самостоятельно соорудил зрительную трубу и первый увидел горы на Луне, спутников Юпитера, звездную структуру Млечного пути и многое другое, что опрокидывало освященное церковью представление об устройстве Вселенной и наглядно подтверждало теорию Коперника. Этого было более чем достаточно, чтобы католическая церковь признала телескоп орудием дьявола, однако остановить его распространение не могла.

На Руси «галилеева труба» появилась в 1614 году — она была приобретена дедом Петра, царем Михаилом Федоровичем. К середине XVII века зрительные трубы уже продавались в Москве, в торговых рядах. Любопытно, что царские дочери, обреченные на полузатворническую жизнь в своем девичьем тереме, узнав про необыкновенную «трубочку, что дальнее, а в нее смотря, видитца блиско», сильно заинтересовались этим. Так, например, царевна Анна менее чем за год приобрела пять таких труб. Повидимому, с помощью их царевны раздвигали границы своего тесного светличного мирка и, оставаясь незамеченными, могли видеть, что делалось не только в Кремле, но и в городе.

Небольшой телескоп, построенный Галилеем, непрерывно улучшался и совершенствовался. От него ведут свое начало современные гигантские астрономические инструменты; от него ведет свое начало бинокль, который также называется «галилеевым» и воспроизводит устройство его телескопа, с тою лишь разницей, что зрительных труб в нем не одна, а две, для каждого глаза.

Два телескопа Галилея.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Усольская эмаль

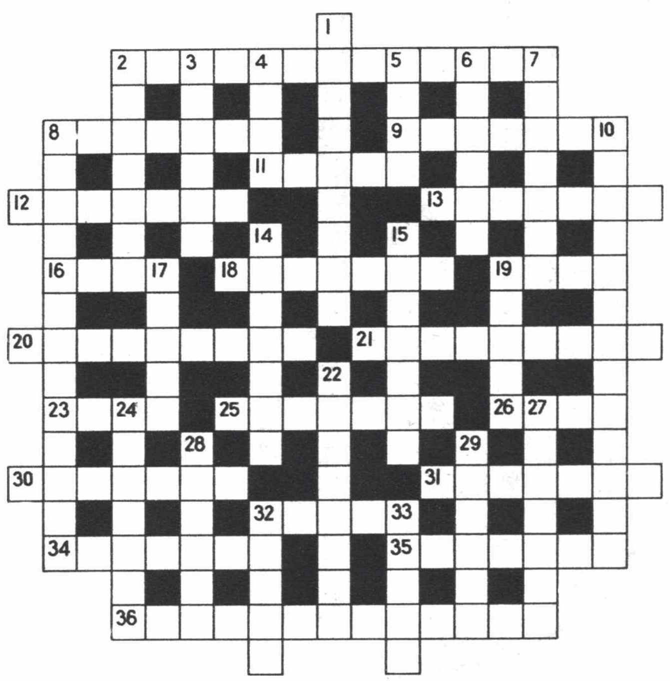
В резиденции Строгановых, Сольвычегодске, в XVII веке находилось много искусных мастеров из народа, работавших в разных областях декоративного искусства. Весьма интересной отраслью была эмаль, в свое время недостаточно оцененная.

Эмаль, по-старинному «финифть», а в седой древности «финипт», служащая для украшения металлических предметов, — стекловидная масса, окрашенная в разные цвета. Она может быть непрозрачной или же прозрачной; тогда через нее просвечивает фон, на который она наложена. «Финипт» упоминается еще в летописях XII века. Вначале он был подражанием византийским эмалям, но вскоре русские мастера создали замечательные вещи, глубоко национальные по своему существу.

Показательна в этом отношении усольская эмаль, расцвет которой приходится на конец XVII века. Мы воспроизводим типичную серебряную усольскую тарелку; мастер сделал очень красивую самобытную вещь. Прекрасен декоративный орнамент, обрамляющий портрет Ивана-царевича из народных сказок. Великолепна цветовая гамма тарелки, характерная для расписных эмалей. До нас дошло довольно много таких предметов: тарелки, чаши, коробки, черенки ножей и вилок и другие предметы.

Ю. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат технических наук.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Аппарат для изменения напряжения электрического тока. 8. Производственная группа. 9. Некристаллизующееся вещество. 11. Сорт выделанной кожи. 12. Минерал. 13. Определенный порядок. 16. Проток. 18. Помещение для специальных занятий. 19. Орган командования. 20. Мужество и решительность. 21. Комедия Д. И. Фонвизина. 23. Рыболовная снасть. 25. Стенной ковер. 26. Архитектурная деталь. 30. Французский композитор и шахматист XVIII века. 31. Основное население одной из народных республик. 32. Инструмент. 34. Рассказ А. П. Чехова. 35. Утверждение, разрешение. 36. Истолкование.

По вертикали:

1. Спортивное общество. 2. Порт на Средиземном море. 3. Декоративное растение. 4. Народно-поэтическое повествование. 5. Продукт размола зерна. 6. Химический элемент. 7. Прибор для регулирования силы тока. 8. Повествовательная художественная литература. 10. Увольнение военнослужащих в запас. 14. Персонаж из повести Н. В. Гоголя «Портрет». 15. Народный артист СССР. 17. Город в Крыму. 19. Взыскание. 22. Специалист по межеванию. 24. Город в Закавказье. 27. Химическое взаимодействие. 28. Военнослужащий. 29. Борт или закраина на концах труб для их скрепления. 32. Состав работников той или иной отрасли. 33. Приток Тобола.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

3. Киев. 5. Бриз. 6. Доклад. 8. Гончар. 9. Теодолит. 11. Тургенев. 12. Меню. 13. Амаду. 14. Соль. 17. Потребитель. 18. Турчанинова. 20. Бокс. 21. Бухта. 22. Карп. 26. Гипотеза. 27. Некрасов. 28. Малина. 29. Реверс. 30. Виза. 31. Коса.

По вертикали:

1. Линолеум. 2. Мирабель. 4. Вальдшнеп. 5. Бандероль. 7. Дели. 8. Горн. 10. Температура. 11. Таджикистан. 15. Шторм. 16. Седов. 18. Тектоника. 19. Алапаевск. 20. «Бригадир». 23. Прогресс. 24. Дека. 25. Икар.

ЧУДЕСА ЗВУКОПРОНИЦАЕМОСТИ

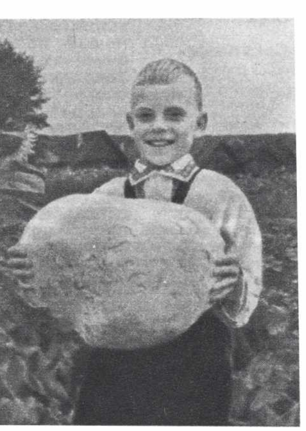

(Почти по Пушкину)

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом...
Все проникает в этот дом.

Изошутка Ю. Федорова.

Из почты «Огонька»

РЕДКИЙ ГРИБ

Моя соседка нашла в ботве картофеля необычайно большой гриб, видимо, дождевик. Он продолговатой формы. Длина его — 44 сантиметра, ширина — 32. Гриб-великан весит почти четыре с половиной килограмма!

Чтобы можно было нагляднее представить его величину, я сфотографировал гриб в руках у мальчика.

Д. КИРЕЕВ

Сысерть,
Свердловской области.

НА ВЫСТАВКЕ

Рисунок Ю. Черепанова.

Оратор на трибуне:

— ...В результате мы пришли к такому вывод... ку!

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций с картин И. Е. Репина и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 06925. Подп. к печ. 14/IX 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 787. Заказ 2633. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В ЛЕСНОЙ ЧАЩЕ.
Фото О. Кнорринга.

Цена номера 3 руб.